

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2018 ТОМ 10 № 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

**Заместитель
главного редактора**
Е.А. Попова, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

**Ответственный секретарь
серии**
А.А. Куделин, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода),

07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история востока и запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 22.01.2018. Выход в свет 29.01.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 8,45. Тираж 500 экз. Заказ № 28. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2018 VOLUME 10 NUMBER 1
DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal
Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU),

Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design: *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Аликберов А.К.** К вопросу о периодизации истории в парадигме информационного подхода 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДА

- Шульц Э.Э.** Проблема гендерного голосования в Веймарской республике 17

ВОСТОК – ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- Цвык А.В.** На пути к установлению дипломатических отношений: связи между КНР и ФРГ в 1949–1972 гг. 24
- Линькова Е.В., Аксенова А.А.** Образ турка-османа и оттоманского господства в произведениях русских и французских путешественников XIX века 33
- У Жочэнь, Виноградова А.А.** Дипломатия РФ И КНР в деле обеспечения мира и безопасности на Ближнем Востоке в начале XXI века 42
- Каткова Е.Ю.** Либеральная коалиция и китайско-австралийские отношения в 2013–2017 годы 54

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Минеева А.В.** Институциональная основа проведения политики Китая в отношении стран Африки южнее Сахары (1960–1990 гг.) 64
- Базанова Е.А., Куделин А.А., Семенова Е.И.** Китайско-египетские отношения в эпоху Мубарака (1981–2011) 70
- Китинов Б.У., Лю Цян.** К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам 79
- Касумов Р.И.** Христиане и иудеи в администрации Ахмад-паши аль-Джаззара в конце XVIII – начале XIX в. 86

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

- Воронин С.А.** Октябрь 1917: Русский проект 97

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY IN HISTORY

- Alikberov A.K.** About the question of the periodization of history in the paradigm of the information approach 7

POLITICAL HISTORY OF EUROPE

- Shults E.E.** The problem of gender voting in the Weimar Republic 17

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

- Tsvyk A.V.** On the way for the establishment of diplomatic relations: Sino-West German ties in 1949–1972 24
- Linkova E.V., Aksenova A.A.** Image of the Turk and Ottoman domination in the works of russian traveler of the 19th century 33
- Rochen Wu, Vinogradova A.A.** Role of Russian and Chinese diplomacy in peace and security establishment in the Middle East in the beginning of XXI century 42
- Katkova E.Yu.** Liberal coalition and Sino-Australian relations in 2013–2017 54

HISTORY OF THE EAST

- Mineeva A.V.** The institutional base of the Chinese policy towards Africa 64
- Bazanova E.A., Kudelin A.A., Semenova E.I.** China – Egypt bilateral relations under Mubarak (1981–2011) 70
- Kitinov B.U., Qiang Liu.** On the issue of the early interactions of the Manchu rulers with Tibetan lamas 79
- Kasumov R.I.** Christians and Jews in the administration system of Ahmad-Pasha Al-Jazzar in the late XVIII – early XIX centuries 86

HISTORICAL ESSAY

- Voronin S.A.** October 1917: The Russian project 97

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-7-16

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ В ПАРАДИГМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА

А.К. Аликберов

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Цель исследования – периодизация истории человечества с помощью системных методов, на основе информационного подхода. Этот подход позволяет выделить стадию устной культуры, охватывающую весь бесписьменный период истории, начиная с антропогенеза, и стадию письменной культуры, которая делится на три периода: 1) период рукописной культуры (от возникновения письменности до изобретения книгопечатания); 2) период печатной культуры (от изобретения книгопечатания и научно-технического прогресса, наступившего после промышленной революции, и до появления компьютера); 3) период цифровой (информационной) культуры, начавшийся во второй половине XX в. после революции в области компьютерных и электронных технологий и изобретения Интернета.

Выводы: периоду рукописной культуры соответствует рукописная, или летописная история; рукописные тексты изучает источниковедение истории. С периодом печатной культуры связано формирование собственно исторической науки; труды историков являются предметом изучения историографии истории. С периодом цифровой (информационной) культуры связана формирующаяся научная дисциплина, получившая название «цифровой истории».

Ключевые слова: устная история; письменная история; рукописная культура; книжная (печатная) культура; информационная культура; источниковедение; историография; цифровая история.

Введение. Если рассматривать историю как организованную и упорядоченную **систему информации о прошлом**, то базисные критерии для ее общей периодизации должны быть информационными. В информационной парадигме логично представить критерии выделения стадии исторического процесса в виде способов и форм передачи информации, а также типов коммуникации. Акт коммуникации, непосредственный или виртуальный, является самым главным, если не единственным, условием социальной связи, а передача той или иной информации – главной целью коммуникации. Без коммуникации – общественной, политической, экономической, религиозной, культурной и т.д., осуществляемой вербально или невербально, социальная связь невозможна в принципе.

Исследование проблемы. Важнейшим способом верификации тех или иных схем периодизации является их сопоставление друг с другом на основе схожих параметров. Если мы опираемся на системное измерение проблемы, то должны обнаружить очевидные соответствия между различными периодизациями истории, а также логические связи между ними.

Немаловажно, что процессы, связанные с передачей информации и развитием коммуникационных возможностей человека, гораздо лучше, чем все прочее, документируются в письменных источниках и потому хорошо отслеживаются. Кроме того, мы сами являемся непосредственными очевидцами громадных перемен в развитии способов и средств коммуникации, которые кардинально меняют складывавшиеся веками форматы социального взаимодействия. Распространенная точка зрения настаивает на концепции ускорения научно-технического прогресса (НТП): с этой концепцией трудно спорить, за исключением самого понятия прогресса, которое очень оценочно и поэтому не совсем адекватно. Поэтому будем говорить о научно-техническом развитии. Часть исследователей склоняется к мысли, что ускорение научно-технического развития с неизбежностью ведет к ускорению общественных процессов; некоторые из них даже заговорили об ускорении общественного развития, которое происходит «по логарифмической формуле».

С ускорением научно-технического развития тесно связан и тезис о последовательном сокращении основных фаз в истории человечества, который выдвинул И. М. Дьяконов [1. С. 68–70]. Линейное изображение классической периодизации и хронологии истории наглядно подтверждает этот тезис: графические таблицы и схемы воочию доказывают, что история Древнего мира существенно короче истории первобытного общества, средневековый период – древней истории, период Нового времени – средневековья, период Новейшей истории – истории Нового времени. Картина будет еще более наглядной, если мы введем в дискурс и историю первобытного общества: только один палеолит занимает большую часть времени существования человечества, чем все остальные стадии, вместе взятые [2. Р. 1963].

Причины, которые способствовали ускорению научно-технического развития, многократно описаны в специальной литературе. Задачи данного исследования требуют особого внимания к одному из аспектов научно-технического развития – коммуникационному, а точнее – к развитию способов и средств коммуникации в истории человечества, начиная с ее истоков, поскольку именно увеличение скорости и расширение объемов распространения информации ведет к ускорению социальных процессов и, соответственно, общественной эволюции. По расчетам специалистов, объем информации с начала григорианского календаря до середины XVII в. удвоился лишь единожды, в то время как в конце XX в. он удваивался каждые 8–10 лет [3. С. 86–94].

С точки зрения способов хранения и передачи информации в истории человечества можно выделить **две стадии развития культуры**: 1) **стадию устной культуры**, охватывающую весь бесписьменный период истории; 2) **стадию**

письменной культуры. В стадии устной культуры можно выделить разные периоды и содержательные компоненты (эпическая, героическая, мифологическая и др.). В свою очередь, стадию письменной культуры можно разделить на три периода: 1) **период рукописной культуры** (от возникновения письменности до изобретения книгопечатания); 2) **период книгопечатной культуры** (от изобретения книгопечатания и научно-технического прогресса, наступившего после промышленной революции, до появления компьютера); 3) **период цифровой (информационной) культуры**, начавшийся во второй половине XX в. с революции в области компьютерных и электронных технологий и изобретения Интернета.

Становление каждой из этих стадий, с одной стороны, представляло собой длительный исторический процесс, который характеризовался господством разных укладов жизни, типов хозяйствования, особых форм социальных отношений. С другой стороны, мы также видим, что различные общества развивались по-разному, одни раньше, другие позже открывали для себя новые коммуникационные возможности, затем переживали схожие процессы, поскольку они развивались изолированно друг от друга. И язык, и письменность, и современные технические способы фиксации звуков, символов и изображений представляют собой знаково-символьные системы, служащие целям социальной коммуникации. С каждой новой стадией коммуникационные возможности отдельных обществ неизмеримо возрастали и усиливались, так же как и характер информационных связей между ними.

Стадии устной культуры в нашей периодизации соответствует **устная история (Oral History)** – это предмет отдельного раздела истории, изучающего *историко-фольклорный материал*, его вспомогательных дисциплин, прежде всего археологии, а также фольклористики, эпосоведения, сравнительно-исторической лингвистики и др. Устная история – хронологически самый продолжительный период исторического процесса, который имеет прямое отношение к зарождению практически всех основных социальных институтов. Наряду с языком, народными обычаями, культовыми обрядами, правовыми нормами и представлениями устная история является бесценным источником для изучения стадии устной культуры – начального бесписьменного периода в истории каждого народа. Устную культуру правомерно начинать с завершения процессов антропогенеза и возникновения языка, а главное – с осознания прошлого опыта. Язык как важнейшее средство коммуникации обеспечивает человеку возможность общения с себе подобными. Будучи системой вербальных кодов, символов и языковых знаков, он с древнейших времен выполнял основную роль в процессе коммуникации людей.

Проблема генезиса языка относится к числу наиболее сложных в науке [4. Р. 1–15]; в 1866 г. Лингвистическое общество Парижа даже наложило запрет на дискуссии по этой проблеме, сочтя их бессмысленными, и этот запрет соблюдался в западной науке больше столетия [5]. И в настоящее время изучение глоттогенеза находится за пределами лингвистики/ языкознания.

Многочисленные точки зрения на проблему можно объединить в две основные группы. Одни из них связывают происхождение языковых знаков с естественной вокализацией, характерной для первобытных людей (к ней близка звукоподражательная теория), а другие – с системой жестов и других невербальных знаков. Иначе говоря, первые признают, что языковые знаки изначально носили звуковой характер, развились в том числе из междометий, восклицаний, природных созвучий и т.д., а вторые – что вербальные коды произошли от жестов, мимических и иных несловесных сигналов первобытного человека. В наше время преобладает комплексный взгляд на вербальные и невербальные средства общения; **паралингвистика, изучающая жесты**, изначально формировалась как отдельная дисциплина языкознания.

Как показали новейшие междисциплинарные исследования, запрет на дискуссии по теме не был лишен оснований. С легкой руки выдающегося социального антрополога Роя Раппапорта [6. Р. 210–211] в западной науке получило широкое признание мнение, согласно которому нельзя говорить о языке как отдельном феномене, поскольку он является одним из аспектов более широкой человеческой т.н. «символьной культуры» (*Symbolic Culture*) [7. Р. 193–211].

Для нас принципиальна мысль о том, что формирование языка связано не только с развитием/эволюцией самого человека, но и с происхождением общества. Исследователи не случайно говорят о величайшем коммуникативном значении языка и его культурных корнях [8. Р. 275–307]. В настоящее время лингвисты пришли к заключению, что «происхождение языка связано с гораздо более архаичными формами взаимоотношения людей и относится ко времени возникновения общества. Кроме того, язык как средство общения вообще мог возникнуть лишь как следствие появления определенных социальных функций общения» [9. С. 400–401].

Что касается происхождения конкретных языков, то до появления письменности, как признают В.П. Алексеев и А.И. Першиц, «языковая информация практически отсутствует, и мы имеем здесь не более чем правдоподобные гипотезы» [10. С. 37]. Сравнительно-историческая лингвистика, опираясь на методики глоттохронологии, тем не менее предлагают свои предположения, создавая исторические атласы языков и описывая схемы их дивергенции, связывая языковые процессы с историческими.

На начальной стадии истории господствовали устные формы передачи информации. Полагают, что использование голоса в межличностной коммуникации привело к появлению у первобытного человека членораздельной речи. Существует мнение, согласно которому речь стала появляться по мере необходимости обозначения предметов, вещей и явлений окружающего мира. Большинство исследователей, однако, предпочитает отличать язык как когнитивную способность человека, средство коммуникации, от речи, одной из форм коммуникации, которая развилась много позже языка. Развитие речи как важнейшего способа вербальной коммуникации обусловило, в свою очередь, возникновение первобытного общества, ознаменовав собой начало стадии устной культуры в истории.

Устная история является частью устной народной традиции, которая включает в себя также пословицы и поговорки, народные песни, баллады, сказки, фольклор, все наследие устной духовной культуры, передаваемой из поколения в поколение [11], однако этим ее реальное содержание далеко не исчерпывается. Устная культура в самом широком смысле охватывает все аспекты нематериальной жизнедеятельности первобытного общества и делает основной упор на сохранение духовных ценностей, наиболее важных для практического существования конкретного общества. Помимо устной истории (исторического фольклора, былин, народного эпоса), устная народная традиция включает в себя и другие аспекты культуры, например, неписаное (обычное) право, или обычай.

Изучение устной истории включает в себя концептуализацию проблемы, сбор историко-фольклорного материала с помощью полевых исследований, методов интервьюирования, транскрипции и архивации данных [12. Р. 3]. Ребекка Шарплесс начинает устную историю с Геродота, который собрал методом интервьюирования множество рассказов, систематизировал их и включил их в свою «Историю». Однако здесь имеется в виду не «устная история» как таковая, а история «устной истории» [13. Р. 9].

Согласно Полу Томпсону, устная история была последним этапом стадии бесписьменной истории, которому предшествовал этап устных свидетельств (*Oral Evidence*) [14. Р. 38]. В категорию устных свидетельств, по разным оценкам, входят:

1. Новости, передаваемые непосредственно свидетелем, который воочию наблюдал за событием, или передача новости со слов свидетеля; чем больше людей в цепочке передачи, тем больше новость теряет в своей объективности. Если новость была коллективной и имела общественный резонанс, то у нее есть шанс сохранить черты объективности и превратиться в народную молву. А это – уже основа устной истории.

2. Интерпретация опыта: реминисценции, смутные воспоминания, отголоски; комментарии, устное народное творчество.

3. В эту категорию также входит собственно устная история: воспоминания очевидцев; передаваемые из поколения в поколение речи в исторически важных обстоятельствах; исторические сплетни; коллективное мифотворчество, в том числе эпические повествования и героические рассказы.

Томпсон считает, что некоторую часть устной истории составляли мистические видения, вещие сновидения, галлюцинации, однако системный подход заставляет нас отделять реальный исторический опыт от трансцендентного религиозного и не включать в устную историю религиозный опыт человека.

Поскольку история (от др.-греч. *ἱστορία* – исследование) в своем исходном значении означает исследование прошлого на основе изучения нарративов, а не исторический процесс, то начало истории большинство историков и философов связывает с изобретением письменности: в частности, в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности

и государства» 1884 г. Фридрих Энгельс противопоставлял «нашей писаной истории» ее доисторическую основу [15. С. 8–9]. Согласно такой интерпретации, письменно зафиксированная история начинается около 30 в. до н.э., когда появляется шумерская клинопись [16. Р. 146]. Однако такое понимание истории, которое восходит к «отцу истории» Геродоту (ок. 484–425 гг. до н.э.), является далеко не единственным, особенно если различать историю как науку и историю как прошлое человечества [17]. В этом втором значении под историей можно понимать весь исторический процесс, который безусловно выходит за пределы 5000 лет письменной истории.

Древнейшие очаги археологических культур локализуются в Анатолии, Месопотамии, Египте, долине Инда, Китае, на Балканах и Кавказе. В энеолите появляется петроглифика, протописьмо, на основе которого в течение последующих эпох, по-разному в различных географических ареалах, одновременно с появлением общественных классов, бюрократии и политических структур как раз и возникает письменность. На место устной истории постепенно приходит история письменная, историописание.

Выделенным на основе информационных критериев стадиям и периодам культуры можно сопоставить не только архетипы и стили культуры, но и предметы основных наук, связанных с источниковедением истории и историографией как «историей истории». Эти науки объединены, хотя и не полностью, в паспорте научной специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Стадия письменной культуры является предметом собственно исторической науки: в классификации Энгельса «наша писаная история» соотносится со стадией письменной культуры так же, как предистория, или «доисторическая основа истории» – со стадией устной культуры [15. С. 8–9].

Возникновение письменности позволило фиксировать важную информацию, распространять религиозные и научные знания. Однако «рукописное знание было редким и сокровенным» [18. Р. 33], а многомиллионные тиражи печатных книг сделали их самым доступным и практичным источником информации. «Печатный капитализм», согласно Бенедикту Андерсону, открыл для «быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами» [18. Р. 33]. Наконец, возникновение Интернета сделало возможным включение в глобальную систему коммуникации всех людей, у которых есть доступ в сеть.

Периоду рукописной культуры соответствует **рукописная**, или **летописная история**. В своих рукописных собраниях древних эпических произведений летописная история продолжала традиции устной истории. Памятники письма, сохранившиеся от этой стадии, принято считать письменными источниками. Сюда относятся не только рукописные, но и эпиграфические памятники – в обоих случаях это было рукотворное письмо, где каждая буква выписывалась на пергаменте, бумаге или высекалась на камне. Рукописными и эпиграфическими текстами занимается *источниковедение истории*.

С периодом печатной культуры связано формирование собственно **исторической науки**, которая развивалась на основе исторических фактов, взятых прежде всего письменных источников. Труды, созданные в исторической науке, являются предметом изучения **историографии истории**.

Заключение. Цифровая эра только начинается, поэтому пока не совсем ясно, как она изменит историческую науку. Однако уже сейчас наблюдаются первые признаки некоторых важных изменений. Мы имеем в виду, конечно, не появление понятия «**постистория**», которое постмодернисты описывают в рамках общей категории «постнауки», а формирующуюся научную дисциплину, получившую название «**цифровой истории**» (*Digital History*) [19]. Основу «цифровой истории» закладываются создающиеся глобальные базы данных исторических материалов, включающих в себя оцифровку письменных источников, архивных данных, музейных экспонатов, научной литературы. Дисциплины, которая будет заниматься критическим анализом достижений «цифровой истории», пока не существует, в силу младенческого или даже внутриутробного в масштабах исторического процесса цикла развития «цифровой истории».

Исследователи выделяют следующие признаки наступления цифровой истории: вытеснение мира документов миром дискретных данных со свободным доступом; внедрение компьютерных технологий для формализации и анализа громадных массивов данных по истории [20. С. 121–125]. С помощью технологии гипертекста цифровая история способна соединить воедино возможно большее число локальных историй в глобальную сеть первичных исторических свидетельств, их интерпретаций в разных культурах и научных школах в их тесной взаимосвязи друг с другом [21]. Частью цифровой истории становится публичная история (*Digital Public History*), в которой каждый интересующийся историей может внести свой посильный вклад в ее развитие в том или ином информационном проекте, а также «цифровая история каждого» (*Digital History of Mr. Everyone*), в которой прошлое можно будет изучать на уровне персоналий и их взаимодействий [20. С. 121].

© Аликберов А.К., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007.
- [2] Toth N., Schick K. Overview of Paleolithic anthropology // Henke H.C.W, Hardt T., Tattersall I. Handbook of Paleoanthropology. Vol. 3. Berlin – Heidelberg – New York: Springer Verlag, 2007.
- [3] Иноземцев В.Л. Неизбежность постиндустриального мира. К вопросу о полярности современного мироустройства // Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2001. С. 86–94.
- [4] Christiansen M.H., Kirby S. Language Evolution: the Hardest Problem in Science? // Language Evolution. Ed. by M.H. Christiansen and S. Kirby. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 1–15.

- [5] *Stam J.H.* Inquiries into the Origins of Language. New York: Harper and Row, 1976.
- [6] *Rappaport R.A.* Ecology, Meaning and Religion. Cambridge University Press, 1979.
- [7] *Knight C.* The Origins of Symbolic Culture. Homo Novus – A Human without Illusions / Ed. by Ulrich J. Frey, Charlotte Störmer and Kai P. Willfuhr. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2010.
- [8] *Tomasello M.* The Cultural Roots of Language // Communicating Meaning. The Evolution and Development of Language. Ed. by B.M. Velichkovsky and D.M. Rumbaugh. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996.
- [9] *Леонтьев А.А.* Происхождение языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 400–401.
- [10] *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. Изд. 6-е. М.: АСТ – Астрель, 2007.
- [11] *Vansina J.* Oral Tradition as History. Nairobi: East Educational Publishers, 1985.
- [12] *Charlton T.L., Myers L.E., Sharpless R.* Introduction // History of Oral History: Foundations and Methodology. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [13] *Sharpless R.* History of Oral History // History of Oral History: Foundations and Methodology. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [14] *Grele R.J.* Oral History as Evidence // History of Oral History: Foundations and Methodology. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [15] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1961.
- [16] *Daniels P., Bright W.* The World's Writing Systems. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- [17] *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., «Мысль», 1974.
- [18] *Anderson B.* Imagined Communities. London: Verso, 1991.
- [19] *Ayers E.L.* The Pasts and Futures of Digital History. Charlottesville: University of Virginia, 1999.
- [20] *Бородкин Л.И.* «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: новая информационная среда или новая парадигма? // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной). Отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017.
- [21] *Cohen, Daniel J., Rosenzweig, Roy.* Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

REFERENCES

- [1] *Dyakonov I.M.* *Puti istorii: ot drevneishego cheloveka do nashikh dney* [Ways of history: From the most ancient man to our days]. 2nd Ed. Moscow: KomKniga, 2007 (in Russian).
- [2] *Toth N., Schick K.* Overview of Paleolithic anthropology // Henke H.C.W, Hardt T., Tattersall I. Handbook of Paleoanthropology. Vol. 3. Berlin – Heidelberg – New York: Springer Verlag, 2007.
- [3] *Inozemtsev V.L.* *Neizbezhnost' postindustrial'nogo mira. K voprosu o polyarnosti sovremennogo miroustroystva* [The inevitability of the post-industrial world. To the question of

- the polarity of the modern world order] // *Postindustrial'nyy mir i Rossiya* [Post-industrial world and Russia]. Moscow: URSS, 2001. P. 86–94 (in Russian).
- [4] Christiansen M.H., Kirby S. *Language Evolution: the Hardest Problem in Science?* // *Language Evolution*. Ed. by M.H. Christiansen and S. Kirby. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 1–15.
- [5] Stam J.H. *Inquiries into the Origins of Language*. New York: Harper and Row, 1976.
- [6] Rappaport R.A. *Ecology, Meaning and Religion*. Cambridge University Press, 1979.
- [7] Knight C. *The Origins of Symbolic Culture. Homo Novus – A Human without Illusions* / Ed. by Ulrich J. Frey, Charlotte Störmer and Kai P. Willfuhr. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2010.
- [8] Tomasello M. *The Cultural Roots of Language* // *Communicating Meaning. The Evolution and Development of Language*. Ed. by B.M. Velichkovsky and D.M. Rumbaugh. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996.
- [9] Leontiev A.A. *Proiskhozhdenie yazyka* [Origin of language] // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990. P. 400–401 (in Russian).
- [10] Alekseev V.P., and Pershitz A.I. *Istoria pervobytnogo obshestva* [The history of primitive society]. Ed. 6th. Moscow: AST – Astrel, 2007 (in Russian).
- [11] Vansina J. *Oral Tradition as History*. Nairobi: East Educational Publishers, 1985.
- [12] Charlton T.L., Myers L.E., Sharpless R. *Introduction* // *History of Oral History: Foundations and Methodology*. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [13] Sharpless R. *History of Oral History* // *History of Oral History: Foundations and Methodology*. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [14] Grele R.J. *Oral History as Evidence* // *History of Oral History: Foundations and Methodology*. Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless. Lanham – New York – Toronto – Plymouth, UK: AltaMira Press, 2007.
- [15] Engels F. *Origin of the Family, Private Property and the State. In Connection with the research of Lewis G. Morgan* // Marx K. and Engels F. *Writings*. 2nd Ed. Vol. 21. Moscow, 1961. P. 8–178.
- [16] Daniels P., Bright W. *The World's Writing Systems*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- [17] Porshnev B. F. *O nachale istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl', 1974 (in Russian).
- [18] Anderson B. *Imagined Communities*. London: Verso, 1991.
- [19] Ayers Edward L. *The Pasts and Futures of Digital History*. Charlottesville: University of Virginia, 1999.
- [20] Borodkin L.I. *Tsifrovoy povorot v istoricheskikh issledovaniyakh: novaya informatsionnaya sreda ili novaya paradigma* ["The digital turn" in historical studies: A new information environment or a new paradigm?] // *Professiya – istorik* [Profession – historian]. Ed. by O. V. Vorobyov. Moscow: Akvilon, 2017. P. 121–125 (in Russian).
- [21] Cohen Daniel J., Rosenzweig R. *Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

ABOUT THE QUESTION OF THE PERIODIZATION OF HISTORY IN THE PARADIGM OF THE INFORMATION APPROACH

Alikber Alikberov

Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia

The information approach allows us to distinguish two principal stages in the history of mankind, the stage of oral culture, covering the entire non-written period of history, and the stage of written culture. The latter, in turn, can be divided into three periods: 1) the period of manuscript culture (from the emergence of writing to the invention of printing press); 2) the period of print culture (from the invention of printing press until the advent of the computer); 3) the period of electronic / digital / information culture, which began in the second half of the 20th century and was marked by the revolutionary changes in computer and electronic technologies and the invention of the Internet.

The period of the manuscript culture is characterized by the handwritten history records or annales (annalistic tradition); handwritten texts is a subject of the source study of history. The print culture is associated with the formation of the historical science in proper sense; the works of historians are the subject of historiography. Finally, electronic / digital / information culture is correlated with an emerging academic discipline known as the “digital history”.

Keywords: Oral History; Written History; Manuscript Culture; Book Culture; Information Culture; Source Study; Historiography; Digital History

Информация об авторе / Information about the author

Аликберов Аликбер Калабекович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН. *E-mail:* alikberov@mail.ru

Alikber Alikberov – PhD in Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, RAS. *E-mail:* alikberov@mail.ru

Для цитирования / For citations

Аликберов А.К. К вопросу о периодизации истории в парадигме информационного подхода / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 7–16. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-7-16.

Alikberov A.K. About the question of the periodization of history in the paradigm of the information approach / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 7–16. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-7-16.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 11.11.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-17-23

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Э.Э. Шульц

Центр политических и социальных технологий

ул. Большая Филёвская, 55/1/45, Москва, Российская Федерация, 121433

Статья посвящена проблеме гендерного голосования в Веймарской республике: каковы были политические предпочтения немецких женщин того периода, только получивших право голосовать по новой конституции. Актуальность подобного исследования обусловлена диаметрально противоположными точками зрения в историографии в вопросе, как голосовали женщины за основные партии республики, а также в связи с предстоящим 100-летним юбилеем образования Веймарского государства. Несмотря на то, что немецкая статистика была одной из лучших в мире в рассматриваемый период, в имеющихся в распоряжении исследователей данных существует множество пробелов, что порождает проблему их интерпретации и общих выводов. Автор приходит к выводам, 1) что на двух выборах в рейхстаг в 1924 г., парламентских выборах 1928 и 1930 г. мужские и женские голоса для СДПГ, НСДАП и ННП разделились примерно поровну; 2) больше всех в доле женских голосов получала партия Центра, а у НННП о превалирующей над мужскими голосами долей женских голосов можно говорить лишь до выборов 1924 г. включительно, но не после них; 3) преобладание голосов избирателей-мужчин над женскими голосами на протяжении всей истории Веймарской республики было у Компартии Германии.

Ключевые слова. Веймарская республика, гендерное голосование, электоральная история Германии, НСДАП, КПГ, СДПГ, приход нацистов к власти

Введение. Первыми исследованиями о гендерном голосовании в Веймарской республике можно считать аналитические публикации о результатах раздельного мужского и женского голосования, которые появились уже в конце 20-х гг. XX в. [1; 2]. В 1946 г. Генрих Штрифлер при анализе статистических данных по выборам в Германии в части цифр и выводов по гендерному голосованию основывался в том числе на этих сведениях [3. S. 18, 21]. В 1956 г. Габриэль Бремме выпустил специализированную работу, посвященную политической роли женщин и их предпочтениям в голосовании [4]. В 1980–1990-х гг. Хелен Боак дополнила данные и выводы этих исследований [5–7].

Попытки определения предпочтений женского электората в зависимости от возраста, географии проживания, религиозной принадлежности, классовой

принадлежности приводят исследователей к совершенно различным и даже часто противоположным выводам на основании использовании одних и тех же статистических данных. Проблема кроется в расчетах и интерпретации. Так, в историографии появились, например, две диаметрально противоположных точки зрения на предпочтения немецких женщин в голосовании за НСДАП: за или против [8. Р. 126; 9. Р. 143; 10. Р. 91–98; 11. Р. 16; 12. Р. 23–24].

Исследование проблемы. Женщины Веймарской республики получили право голосования согласно новой конституции государства: статья 22 наделяла правом голоса всех граждан Германии, достигших 20-летнего возраста [13. С. 84]. Положение о выборах Веймарской республики от 30 ноября 1918 г. вторым параграфом позволяло (без обязательного исполнения) раздельное голосование в стране на избирательных участках по принципу пола. Данный принцип реализовывался двумя путями: отдельными урнами для голосования для мужчин и женщин или разноцветными бюллетенями для голосования. Благодаря этому мы имеем в распоряжении уникальные данные для анализа голосования по гендерному принципу.

Однако в связи с тем, что реализация принципов такого голосования требовала серьезных дополнительных ресурсов, людских и финансовых, в условиях экономических проблем у государства и дефицита средств, такое голосование в общенациональном масштабе проводилось только для выборов 1919 г. в Национальное собрание, 1930 г. в рейхстаг и 1932 г. на президентских выборах. На остальных выборах раздельное голосование использовалось время от времени на отдельных участках в некоторых избирательных округах, и только на выборах в городе Кельн этот принцип последовательно соблюдался с 1919 до 1932 г. Наибольшее количество учтенных бюллетеней по раздельному голосованию относится к выборам в 1928 г. в рейхстаг: 6 330 834 действительных бюллетеней для избирателей обоих полов, что для 29 из 35 избирательных округов составило 20,6% общего количества действительных бюллетеней (30 753 243) [5. Р. 165; 6; 4, S. 28; 14. Р. 4–5; 15. S. 12–14; 16. S. 11].

Немецкий исследователь Г. Штрифлер интерпретировал данные раздельного голосования за период 1921–1932 гг. таким образом, что доля избирательниц у СДПГ и НСДАП была примерно равна мужской, у Компартии соотношение было примерно 40% женских голосов на 60% мужских. Наибольшей популярностью среди женского электората, с точки зрения исследователя, пользовались партия Центра (Zentrum) и Баварская народная партия (БНП, BVP): 60% – женских, 40% – мужских голосов [см.: 3. S. 21]. Такие выводы подтверждаются и данными по раздельному голосованию в различных городах [4. S. 74].

Отличные выводы почти на тех же данных получил Г. Бремме, который утверждал, что женское население Германии предпочитало партию Центра и консервативные правые партии, более сдержанно голосовали за левые партии и совершенно не поддерживали радикальные партии [4. S. 68]. Исследователь утверждает, что на всех выборах 1920–1930 гг. доля женщин, отдававших свои голоса за радикальные партии (НСДАП и КПГ), была существенно меньше

мужской доли, и только в 1932 г. нацистам удалось привлечь женский электорат. Что касается СДПГ, то Бремме уверен, что партия получала постоянно больше голосов мужчин, чем женщин [4. S. 39, 65, 71, 73]. Выводы Бремме получили наибольшее распространение среди исследователей [5. P. 183; 6. P. 35].

Следует помнить, что из почти 31 млн действительных бюллетеней на выборах 1928 г. только чуть более 6 млн составляли бюллетени раздельного голосования, а в 1930 г. менее 6 млн бюллетеней из почти 35 млн [см.: 5. P. 182; 17. S. 83]. Т.о., данные по раздельному голосованию представляют небольшой процент и распределяются неравномерно. Разница в голосах в существующих данных между мужскими и женскими голосами для большинства партий является несущественной и с учетом доли этих данных в общенациональных результатах может вполне быть сочтена статистической погрешностью. Существенное различие в показателях мужских и женских голосов дают результаты только для партии Центра, НННП и КПП.

Т.о., держа в уме проблемы с репрезентативностью данных раздельного голосования, можно принять, что на выборах 1924 г., выборах в рейхстаг в 1928 и 1930 г. по округам, где результаты такого голосования сравнивались со средними результатами по стране, доля избирателей мужского и женского пола для СДПГ, ННП и НСДАП была примерно равной; у партии Центра доля женщин-избирателей была заметно выше; для НННП о превалировании женских голосов над мужскими можно с осторожностью утверждать только до парламентских выборов 1924 г. включительно, но точно не после них; для КПП было характерным на всех выборах 1920-х – начала 30-х гг. XX в. существенное преобладание мужского электората над женским [см.: 5. P. 166; 4. S. 243, 246, 247, 250, 251].

Обратимся для сравнения к президентским выборам 1932 г. Гинденбург (общий кандидат правых партий и партии Центра) получил в первом и во втором туре женских голосов больше, чем мужских, примерно на 7%, Гитлер (НСДАП) – на 2–3% больше голосов избирателей-мужчин, результат Тельмана (КПП) показал минимальное для всех кандидатов количество женских голосов [7. P. 158–159; 18. S. 332]. Этот расклад вполне вписывается в партийные предпочтения избирателей с точки зрения гендерного голосования на парламентских выборах.

На выборах 1924–1932 гг. в рейхстаг у Компартии доля женских голосов ниже по всем избирательным округам. У социал-демократов соотношение избирателей-мужчин и женщин имела территориальную зависимость. Так, примерно равное для обоих полов голосование демонстрировали Лейпциг, Магдебург, Мерзебург, Пенцберг и Тюрингия. Несколько более низкий от 50% уровень женских голосов давал Бремен. Женщины Кельна, Констанца и Регенсбурга менее предпочитали СДПГ, чем мужчины. Общие результаты голосования по Берлину демонстрируют лишь незначительное превалирование женского электората на выборах в рейхстаг 1928–1933 гг. [5. P. 169–171, 173, 183; 4. S. 249].

Г. Бремме полагал, что молодые люди мужского пола в возрастной категории до 25 лет давали более низкую явку в сравнении с женским полом того же возраста, при этом наибольший дисбаланс возникал в возрастной группе 20–21 год [4. S. 28, 29]. Г. Штрифлер эти отклонения называл несущественными [3. S. 17]. Отметим, что в возрастной категории 20–25 лет явка женского электората была выше, но после 25 лет представительство избирателей-мужчин начинало превалировать [4. S. 29]. В возрастных категориях от 21 до 50 лет суммарно доля голосующих женщин лишь незначительно уступала уровню явки на выборы избирателей-мужчин, однако в возрастных категориях от 50 лет и выше разница становилась довольно существенной. Так, на парламентских выборах Германии 1924 г. разница в действительных бюллетенях мужских (больше) и женских голосов (меньше) составляла в категории 21–25 лет от 2-х до 5-ти процентов, 50–60 лет – 9%, 60–70 лет – 12%, выше 70 лет – более 20% [4. S. 41]. При этом в общем по стране на этих выборах разница в бюллетенях по гендерному принципу составила лишь 6,4% [4. S. 41].

Заключение. Принято считать, что женщины больше приходили на избирательные участки в периоды национальных кризисов и меньше – на «рутинные выборы», предпочитали выборы в парламент страны (рейхстаг), нежели в ландтаги (парламенты земель) и другие местные выборы. Более активно голосовали городские жительницы, а также женщины с более высоким образовательным уровнем и профессиональным статусом [5. P. 166; 4. S. 39, 65; 14. P. 5]. Уровень явки женщин-рабочих зависел от степени политизированности всей округи [см.: 14. P. 5].

Однако мужской электорат тоже более охотно шел на выборы в рейхстаг, чем в ландтаги и на местные выборы. Деревня всегда более консервативна, менее политизирована, «тяжелее на подъем», поэтому городское население в принципе по всей стране было больше, чем сельское, вовлечено в политическую жизнь. Влияние округи на результаты голосования рабочих было характерно вне зависимости от гендерной принадлежности [19; 20].

Т.о., особенности голосования по гендерному принципу вносили некоторую разницу в общие результаты выборов, но в целом мужской и женский электорат был почти одинаково подвержен политическому влиянию того времени. Женщины больше голосовали за президентскую партию Центра, поровну с мужчинами отдавали голоса за СДПГ и НСДАП и неохотно голосовали за коммунистов. Эта разница предпочтений в голосовании по гендерному признаку за две радикальные партии – НСДАП и КПП является самой принципиальной для электоральной картины поздней Веймарской республики. Если за НСДАП в среднем голосовала «семья» (равное соотношение мужских и женских голосов), то за КПП – в большей части одинокие мужчины и/или только мужская половина семей. Распределение голосов по гендерному признаку подтверждает электоральную нацеленность этих партий: НСДАП нацелена на все социальные группы, за КПП голосуют мужчины-рабочие, но необязательно их жены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Hartwig*. Das Frauenwahlrecht in der Statistik // Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft, 21, 1931. S. 167–182.
- [2] *Hartwig*. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen // Allgemeines Statistisches Archiv, 17, 1928. S. 497–512.
- [3] *Striefler H.* Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf, 1946.
- [4] *Bremme G.* Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956.
- [5] *Boak H.* National Socialism and Working-Class Women // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany / Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 163–188.
- [6] *Boak H.L.* “Our Last Hope”: Women’s Votes for Hitler – A Reappraisal // German Studies Review, Vol. 12. (No. 2, 1989). P. 289–310.
- [7] *Boak H.L.* Women in Weimar Germany. The “Frauenfrage” and the Female Vote // Social Change and Political Development in Weimar Germany / Ed. by R. Bessel and E.J. Feuchtwanger. London: Croom Helm, 1981. P. 155–173.
- [8] *Caplan J.* The Rise of National Socialism 1919–1933 // Modern Germany Reconsidered: 1870–1945 / Ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 117–139.
- [9] *Lipset S.M.* Political Man: the social bases of politics. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1960.
- [10] Nazis and Fascists in Europe, 1918–1945 / Ed. by John Weiss. Quadrangle Books, 1969.
- [11] *Stephenson J.* Women in Nazi Germany. Routledge, 2013.
- [12] *Thomas K.* Women in Nazi Germany. London, 1943.
- [13] *Патрушев А.И.* Германия в XX веке. М.: Дрофа, 2004.
- [14] *Sneeringer J.* Winning Women’s Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany. University of North Carolina Press, 2002.
- [15] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932.
- [16] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Dreiundfünfzigster Jahrgang. 1935. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1935.
- [17] *Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S.* Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. München: Beck, 1986.
- [18] Nationalsozialistische Frauenpolitik vor 1933: Dokumentation / Hrsg Hans-Jürgen Arendt, Sabine Hering, Leonie Wagner. Frankfurt am Main: Dipa-Verlag, 1995.
- [19] Шульц Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928–1933 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Социология”. 2015. № 1. С. 42–53.
- [20] Шульц Э.Э. Электоральная база нацистов на выборах 1928–1932 гг. в Германии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Политология”. 2014. № 2. С. 136–144.

REFERENCES

- [1] Hartwig. Das Frauenwahlrecht in der Statistik // Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft, 21, 1931. S. 167–182.
- [2] Hartwig. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen // Allgemeines Statistisches Archiv, 17, 1928. S. 497–512.
- [3] Striefler H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf, 1946.
- [4] Bremme G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956.
- [5] Boak H. National Socialism and Working-Class Women // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany / ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 163–188.
- [6] Boak H.L. “Our Last Hope”: Women’s Votes for Hitler – A Reappraisal // German Studies Review. Vol. 12. (No. 2, 1989). P. 289–310.
- [7] Boak H.L. Women in Weimar Germany. The “Frauenfrage” and the Female Vote // Social Change and Political Development in Weimar Germany / Ed. by R. Bessel and E.J. Feuchtwanger. London: Croom Helm, 1981. P. 155–173.
- [8] Caplan J. The Rise of National Socialism 1919–1933 // Modern Germany Reconsidered: 1870–1945 / Ed. by Gordon Martel. Taylor & Francis, 1992. P. 117–139.
- [9] Lipset S.M. Political Man: the social bases of politics. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1960.
- [10] Nazis and Fascists in Europe, 1918–1945 / Ed. by John Weiss. Quadrangle Books, 1969.
- [11] Stephenson J. Women in Nazi Germany. Routledge, 2013.
- [12] Thomas K. Women in Nazi Germany. London, 1943.
- [13] Patrushev A.I. Germany in XX century. M.: Drofa, 2004. (In Russ.)
- [14] Sneeringer J. Winning Women’s Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany. University of North Carolina Press, 2002.
- [15] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932.
- [16] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Dreiundfünfzigster Jahrgang. 1935. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1935.
- [17] Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. München: Beck, 1986.
- [18] Nationalsozialistische Frauenpolitik vor 1933: Dokumentation / Hrsg Hans-Jürgen Arendt, Sabine Hering, Leonie Wagner. Frankfurt am Main: Dipa-Verlag, 1995.
- [19] Shults E.E. Problematic issues of a social base of NSDAP: to the reasons of Nazis’ success on 1928–1933 elections // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series “Sociology “. 2015. № 1. P. 42–53. (In Russ.)
- [20] Shults E.E. Electoral basis of Nazis on 1928–1932’s elections in Germany // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series «Political Science». 2014. № 2. P 136–144. (In Russ.)

THE PROBLEM OF GENDER VOTING IN THE WEIMAR REPUBLIC

E.E. Shults

Center of Political and Social Technologies

55/1/45 Bol'shaya Filevskaya St., Moscow, 121433, Russian Federation

The article is devoted to the problem of gender vote in the Weimar republic: what were political preferences of the German women of that period, who only had acquired the right to vote under the new constitution. Actuality of such research is caused by the opposite points of view among researchers in a question how women voted for the main parties of the republic, and also in connection with the forthcoming of 100-year anniversary of formation of the Weimar state. In spite of the fact that the German statistics was one of the best in the world during the considered period, in available data there is a set of gaps that creates a problem of their interpretation and the general conclusions. The author comes to conclusions, 1) that on two Reichstag's elections in 1924, parliamentary elections of 1928 and 1930 male and female votes for SDPG, NSDAP and GPP were divided approximately equally; 2) the biggest share of female votes was received by Zentrum party, and as concerns GNPP and the share of female voices prevailing over male voices it is possible to speak about that only before elections of 1924 inclusive, but not after; 3) throughout all history of the Weimar republic the Communist Party of Germany had a prevalence of votes of men over female votes.

Keywords. The Weimar republic, gender voting, electoral history of Germany, NSDAP, CPG, SDPG, arrival of Nazis to the power

Информация об авторе / Information about the author

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий. *E-mail:* nuap1@yandex.ru

Eduard E. Shul'ts – PhD in Historical Sciences, Director at the Center of Political and Social Technologies. *E-mail:* nuap1@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Шульц Э.Э. Проблема гендерного голосования в Веймарской республике / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 17–23. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-17-23.

Shults E.E. The problem of gender voting in the Weimar Republic / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 17–23. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-17-23.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 15.07.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-24-32

НА ПУТИ К УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СВЯЗИ МЕЖДУ КНР И ФРГ В 1949–1972 ГГ.

А.В. ЦВЫК

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье автор рассматривает период неофициальных контактов между КНР и ФРГ до установления дипломатических отношений в 1972 г. В 1950-е гг. между сторонами не наблюдалось почти никаких контактов. В 1960-е гг. на фоне ухудшения отношений между КНР и СССР, а также увеличения интереса германских предпринимателей к развитию торговых связей с Китаем интенсифицировались дипломатические контакты представителей двух стран.

По мнению автора, проводимый канцлером ФРГ В. Брандтом с 1969 г. новый внешнеполитический курс, выход КНР на международную арену в связи со вступлением в ООН в 1971 г., а также известный визит Президента США Р. Никсона в Китай оказали большое влияние на сближение КНР и ФРГ в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Его результатом стало установление дипломатических отношений между КНР и ФРГ в октябре 1972 г.

Ключевые слова: КНР, ФРГ, внешняя политика, торговые связи, дипломатические отношения

Вторая мировая война завершилась для Китая и Германии по-разному. Нацистская Германия была сокрушена Советским Союзом и его союзниками. Территория Германии была разделена между государствами-победителями на четыре зоны оккупации вплоть до 1949 г., когда были основаны два германских государства с различным государственным строем – ФРГ и ГДР. На территории Китая с момента победы над Японией продолжался второй этап гражданской войны, а в октябре 1949 г. было провозглашено создание КНР.

По мнению ряда китайских исследователей, существовал ряд общих для КНР и ФРГ факторов, оказывавших влияние на постепенное сближение и установление неофициальных контактов между странами с момента их основания. Во-первых, обе нации оказались разделены. На территории Китая и Германии образовались два государства с различными политическими и общественными системами. Во-вторых, как считают китайские ученые, на отношения между ФРГ и ГДР, с одной стороны, и КНР и Тайванем с другой, оказывало влияние противостояние между СССР и США, которые не давали КНР

и ФРГ проводить самостоятельную внешнюю политику [1. С. 725]. В-третьих, «японский милитаризм» в годы Второй мировой войны был для Китая гораздо более серьезным врагом, чем «германский фашизм». Более того, к Японии предъявлялись определенные требования в связи с последствиями войны. К Германии таких требований не было, в том числе вследствие отсутствия с ней каких-либо границ и невозможности какого-либо территориального спора [1. С. 726]. И, наконец, в качестве основного фактора с немецкой стороны следует отметить колоссальную заинтересованность деловых кругов ФРГ в развитии торговых отношений с Китаем и повторном проникновении германских предпринимателей на китайский рынок.

Деловые круги ФРГ, в первую очередь Рурского промышленного района, после образования Федеративной Республики в 1949 г. буквально сразу же стали рассматривать Китай как потенциального торгового партнера и предприняли шаги с целью проникновения на китайский рынок. В газете деловых кругов Рура «Хандельсблатт» в августе 1950 г. вышла статья «Торговля с Китаем на распутье», в которой говорилось о том, что «Китай остается, как и до сих пор, интереснейшим рынком Восточной Азии. Потребности пострадавшей от многолетних войн страны настолько велики, что они не могут быть покрыты ни за счет собственных сил, ни из восточного резервуара» [2. С. 21].

18 мая 1951 г. Генассамблея ООН приняла резолюцию, вводившую эмбарго на торговлю с КНР «стратегическими» товарами. В августе 1951 г. Правительство ФРГ под влиянием США приняло решение осуществлять экспорт германских товаров в КНР на основе соответствующих экспортных лицензий, разработкой которых занималось специально созданное бюро во Франкфурте-на-Майне. Эти меры повлияли на торговые отношения КНР и ФРГ: в 1952 г. торговый оборот сократился на 70% [2. С. 25]. Негласно существовал и запрет на прямой импорт товаров из КНР.

Вследствие введения эмбарго на торговлю с КНР большое количество торговых сделок между КНР и ФРГ в начале 1950-х гг. осуществлялось через посредников. Более 90% западногерманского экспорта и более 30% импорта из КНР осуществлялось через третьи страны. По данным западногерманских СМИ, ввоз китайских товаров в Западную Германию осуществлялся через Швейцарию, Великобританию и Нидерланды. Ведущую посредническую роль в торговых отношениях между КНР и ФРГ играл Гонконг.

Стороны принимали ряд мер, нацеленных на улучшение торгово-экономических отношений. С китайской стороны в мае 1952 г. был создан Китайский комитет содействия международной торговле, а в августе того же года было образовано министерство внешней торговли со специальным отделом, занимающимся вопросами торговли с капиталистическими странами.

В ФРГ в октябре 1952 г. в результате переговоров между несколькими торгово-промышленными объединениями был создан Восточный комитет немецкой экономики, в состав которого вошло в том числе Восточно-азиатское объединение. Образование Восточного комитета показало заинтересованность

ФРГ в развитии торговых отношений со странами Восточного блока, в частности с КНР. Западногерманские СМИ отмечали, что первая цель комитета состоит в интенсификации торговли с КНР.

Несмотря на принятые меры, товарооборот между ФРГ и КНР сокращался. Однако в середине 1950-х гг. наметился его рост, на который повлияло начало в 1953 г. в КНР процесса социалистической индустриализации, требовавшего современного промышленного оборудования, которое могла предложить Западная Германия.

Важное событие в истории двусторонних отношений произошло 7 апреля 1955 г. Председатель КНР Мао Цзэдун издал указ о прекращении состояния войны между КНР и Германией. Западногерманские СМИ писали о возможности установления дипломатических отношений между государствами [2. С. 32].

Увеличивалось число контактов на неофициальном уровне между делегациями торговых представителей КНР и ФРГ. Ход событий привел к созданию необходимых экономических и политических предпосылок, которые позволили ФРГ и Китаю заключить первое торговое соглашение. Проходившие осенью 1957 г. в Пекине переговоры завершились подписанием соглашения 27 сентября между Восточным комитетом немецкой экономики и Китайским комитетом по содействию международной торговли. Документ состоял из 11 статей, срок действия – 1 год. Соглашение предусматривало общий объем торговли в размере 460 млн нем. марок, сторонами были согласованы списки продукции, участвующей в товарообороте [2. С. 36]. Несмотря на позитивное восприятие в Пекине и Бонне новости о подписании соглашения, которое могло лежать в основе последующего развития правовой базы китайско-западно-германских торгово-экономических отношений, впоследствии соглашение 1957 г. не было продлено.

Каковы были основные причины сближения между КНР и ФРГ в рассматриваемые годы? Советский исследователь и дипломат А.И. Степанов видел в китайско-западногерманском сближении не только экономические мотивы, взаимный интерес сторон в развитии торговых отношений друг с другом, но и политическую подоплеку. Так, А.И. Степанов выделял антисоветские мотивы, как со стороны КНР, где усиливалась антисоветская риторика в выступлениях руководства страны, так и со стороны Западной Германии, правящие круги которой, по мнению советского дипломата, стремились разыграть «китайскую карту» в отношениях с Советским Союзом [2. С. 37].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. наступил период охлаждения в неофициальных отношениях между Пекином и Бонном. Некоторые исследователи связывают это с нежеланием руководства КНР быть использованными в противостоянии странами НАТО и СССР, другие – с внутривосточными и экономическими изменениями в самом Китае, с началом проведения политики «большого скачка». К тому же заметно активизировались отношения между КНР и ГДР, которую китайские идеологи рассматривали одним из наиболее важных членов социалистического лагеря. Стараясь продемонстриро-

вать «солидарность и дружбу», декларируемые первыми лицами КНР, китайское руководство пошло на охлаждение политических отношений с Западной Германией.

Однако экономические интересы КНР в развитии контактов с ФРГ вновь оказали влияние на китайско-западногерманское взаимодействие. Для преодоления продовольственного кризиса, в котором Китай оказался вследствие проведения политики «большого скачка», китайское руководство договорилось с ФРГ о поставках пшеничной муки (в 1961–1962 гг. из Западной Германии в КНР было поставлено 180 тыс. тонн муки) [2. С. 42].

В начале 1960-х гг., как полагают исследователи, происходит очередной период сближения КНР и ФРГ, который связан в том числе с изменениями в политическом курсе ФРГ в связи с избранием Л. Эрхарда на должность канцлера ФРГ. На этот период приходится расширение торговли и экономических связей, взаимные попытки «наведения мостов» в политической сфере [3]. КНР, испытывавшая проблемы в связи с неудачей политики «большого скачка» и резким сокращением торгово-экономического сотрудничества с СССР, проявляла готовность к расширению торговли с ФРГ. Западная Германия, в свою очередь, имела цель закрепиться на китайском рынке, куда интенсивно проникали основные конкуренты ФРГ (Франция и Великобритания).

В это же время произошли определенные сдвиги в политической сфере. Между КНР и ФРГ выявилась близость позиций по ряду международных вопросов, актуальных для Китая и Западной Германии. Во-первых, стороны без энтузиазма отнеслись к Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанному в 1963 г. в Москве СССР, США и Великобританией. Во-вторых, в определенной степени КНР и ФРГ сближало недовольство сложившимися государственными границами (для КНР – территориальные претензии к СССР, для ФРГ – «проблема» двух Германий и ГДР) [4]. К тому же именно в эти годы подверглось изменениям идеологическое наполнение внешней политики КНР. Китайское руководство конкретизировало теорию «промежуточных зон», в дальнейшем неоднократно используя ее для выделения ФРГ [5].

Однако говорить о реальной возможности установления дипломатических отношений между Пекином и Бонном было рано. Западногерманское руководство продолжало делать ставку на неофициальные экономические и политические контакты с Китаем [6].

В середине 1960-х гг. продолжал увеличиваться взаимный интерес сторон к развитию двустороннего взаимодействия. В 1964 г. в посольстве КНР в Берне состоялся ряд секретных переговоров между китайскими дипломатами и их западногерманскими коллегами. Для КНР основной целью была разработка и заключение официального торгового соглашения между двумя странами. По информации западногерманских СМИ, делегаты китайской стороны были готовы пойти на то, чтобы признать Западный Берлин «сферой западногерманской марки». Однако западногерманская сторона ставила перед собой

целью подписание технического торгового соглашения по обмену товарами, похожего по содержанию на соглашение 1957 г. По мнению западногерманских дипломатов, подписание торгового договора с КНР могло бы означать формальное признание политики Пекина о том, что Тайвань – часть Китая.

В итоге переговоры в Берне завершились безрезультатно, торговый договор не был подписан. Одной из основных причин срыва переговоров, как писали западногерманские журналисты, стал тот факт, что китайская сторона на фоне сближения с ГДР отказалась от «берлинской оговорки». Так или иначе с 1964 г. вплоть до 1971 г., когда начались активные переговоры об установлении дипломатических отношений, о серьезных дипломатических контактах между КНР и ФРГ не известно.

Немалый резонанс в западных странах вызвала новость о заключении в 1965 г. контракта на сумму 600 млн нем. марок о строительстве западногерманскими специалистами в КНР завода горячего и холодного проката. Это было самое крупное предложение, которое КНР когда-либо делала ФРГ. Союзники Западной Германии по НАТО, прежде всего США, крайне отрицательно отреагировали на эту новость. Так, американские сенаторы обвинили власти ФРГ в том, что Западная Германия строит в Китае завод, на котором сможет создаваться оружие, используемое КНР в целях агрессии.

Однако давление со стороны союзников ФРГ по НАТО не оказало серьезного влияния на развитие торговых отношений между Западной Германией и КНР. В 1965 г. импорт в КНР из ФРГ увеличился в три раза (с 102 млн нем. марок в 1964 г. до 316 млн нем. марок), а экспорт китайских товаров в Западную Германию вырос на 40% (291 млн нем. марок) [6]. Этот факт вызвал одобрение со стороны западногерманской общественности и СМИ. Газета «Die Welt» опубликовала данные о торговом обороте между КНР и ФРГ в 1965 г. под заголовком: «Китай превращается в важного партнера», подчеркнув факт, что всего за один год объем торговли между Западной Германией и Китаем вырос на 96.5% (606.9 млн нем. марок), а КНР поднялся на третье место среди основных торговых партнеров ФРГ [6].

Начало «культурной революции» в КНР в 1966 г. сначала вызвало большие опасения у деловых кругов Западной Германии. Однако несмотря на то, что в последующие годы товарооборот между КНР и ФРГ несколько сократился, в 1967 г. между двумя странами все еще продолжалось расширение торговых и экономических связей. Объем двусторонней торговли достиг рекордной для Китая и Западной Германии суммы – более 1 млрд нем. марок. Продолжалась дискуссия в правящих кругах ФРГ о возможности установления дипломатических отношений с КНР [7].

Отношения между КНР и ФРГ претерпели изменения со вступлением в должность канцлера В. Брандта и началом проведения нового внешнеполитического курса Западной Германии, т.н. «Восточной политики» [8]. Тезис В. Брандта об улучшении связей с Советским Союзом как одним из приори-

тетных направлений внешней политики ФРГ вызвал крайне негативную реакцию в Китае [9].

Однако наметилась позитивная динамика развития отношений между КНР и странами Запада. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, по нашему мнению, обострение советско-китайского кризиса в конце 1960-х гг. стал одной из основных причин активизации отношений КНР с западными странами с целью использования западных стран в противостоянии с СССР [10]. Во-вторых, в 1971 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2758 (XXVI) «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций», согласно которой право представительства в ООН перешло от Тайваня континентальному Китаю [11]. Это стало настоящим прорывом КНР на международной арене. Наконец, в январе 1972 г. Президент США Р. Никсон совершил визит в Китай, «открыв» Китай западному миру [12].

В политических кругах ФРГ все громче звучали призывы к установлению дипломатических отношений с «коммунистическим Китаем» [13]. Наконец, 11 октября 1972 г. министр иностранных дел ФРГ В. Шеель и его китайский коллега Цзи Пэнфэй подписали «Совместную декларацию об установлении дипломатических отношений между ФРГ и КНР», завершив тем самым период неофициальных контактов между государствами, который продолжался в течение двух десятилетий [14].

© Цвык А.В., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М., 2016.
- [2] *Степанов А.И.* ФРГ и Китай. (К истории отношений. 1949–1974 годы). М., 1974.
- [3] *Heilmann S.* Grundelemente deutscher Chinapolitik. China Analysis, 2002. No. 14. URL: http://www.chinapolitik.de/files/no_14.pdf.
- [4] *Gehrig S.* (Re-)Configuring Mao: Trajectories of a Culturo-Political Trend in West Germany. Transcultural Studies. 2011. № 2. URL: <http://heiup.uni-heidelberg.de/journals/index.php/transcultural/article/view/9072/3106>.
- [5] *Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-х гг.) // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2015. № 1. С. 53–59.
- [6] *Schaefer B.* Sino-West German Relations during the Mao Era. Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/sino-west-german-relations-during-the-mao-era>.
- [7] Memorandum from Department Head Egon Bahr, 'Establishment of Relations with the Communist States in Asia', December 18, 1968, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: Juli bis 31. Dezember 1968 (München: Oldenbourg, 1999), 1613–1617. Translated by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119988>.

- [8] *Цвык А.В.* Концептуальные основы внешней политики ФРГ // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 244–251.
- [9] *Albers M.* Historical Background to Sino-European Rapprochement in the 1970s. In: Britain, France, West Germany and the People's Republic of China, 1969–1982. Security, Conflict and Cooperation in the Contemporary World. Palgrave Macmillan, London. URL: https://doi.org/10.1057/978-1-137-56567-9_2.
- [10] Note from Department Head Ruete, 'Meeting with the Bonn Xinhua Representative on June 13, 1969', June 23, 1969, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: Januar bis 30. Juni 1969 (München: Oldenbourg, 2000), 720–723. Translated by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119989>.
- [11] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2758 (XXVI) «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/330/82/IMG/NR033082.pdf?OpenElement>.
- [12] The Opening of China. Richard Nixon Foundation. URL: <https://www.nixonfoundation.org/exhibit/the-opening-of-china/>.
- [13] Memorandum from Department Head Oncken, 'Establishment of Relations with the People's Republic of China and Albania', November 20, 1970, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1. Januar bis 30. April 1970 (München: Oldenbourg, 2001), 2089–2091. Translated for CWIHP by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119990>.
- [14] Совместная декларация об установлении дипломатических отношений между КНР и ФРГ (中华人民共和国政府和德国联邦共和国政府关于两国建立外交关系的联合公报) // 40-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Германией: история и перспективы (中德建交40周年: 回顾与展望) под ред. Гу Цзюньли (顾俊礼), Ян Цзепу (杨解朴). Издательство Института Общественных Наук Китая, 2012.

REFERENCES

- [1] Galenovich Yu.M. *Global'naya strategiya Kitaya*. M., 2016.
- [2] Stepanov A.I. *FRG i Kitai. (K istorii otnoshenii. 1949–1974 gody)*. M., 1974.
- [3] Heilmann S. *Grundelemente deutscher Chinapolitik*. China Analysis, 2002. No. 14. URL: http://www.chinapolitik.de/files/no_14.pdf.
- [4] Gehrig S. (Re-)Configuring Mao: Trajectories of a Culturo-Political Trend in West Germany. *Transcultural Studies*. 2011. № 2. URL: <http://heiup.uni-heidelberg.de/journals/index.php/transcultural/article/view/9072/3106>.
- [5] Tsvyk A.V. *Evolyutsiya vneshnepoliticheskikh doktrin KNR (1950–1990-kh gg.)* // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. №1. S. 53–59.
- [6] Schaefer B. *Sino-West German Relations during the Mao Era*. Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/sino-west-german-relations-during-the-mao-era>.
- [7] Memorandum from Department Head Egon Bahr, 'Establishment of Relations with the Communist States in Asia', December 18, 1968, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., Akten zur auswärtigen Politik der

- Bundesrepublik Deutschland: Juli bis 31. Dezember 1968 (München: Oldenbourg, 1999), 1613–1617. Translated by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119988>.
- [8] Tsvyk A.V. Kontseptual'nye osnovy vneshnei politiki FRG // *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2015. Т. 10. № 6. С. 244–251.
- [9] Albers M. Historical Background to Sino-European Rapprochement in the 1970s. In: *Britain, France, West Germany and the People's Republic of China, 1969–1982. Security, Conflict and Cooperation in the Contemporary World*. Palgrave Macmillan, London. URL: https://doi.org/10.1057/978-1-137-56567-9_2.
- [10] Note from Department Head Ruete, 'Meeting with the Bonn Xinhua Representative on June 13, 1969', June 23, 1969, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., *Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: Januar bis 30. Juni 1969* (München: Oldenbourg, 2000), 720–723. Translated by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119989>.
- [11] Rezolyutsiya General'noi Assamblei OON 2758 (XXVI) «Vosstanovlenie zakonnykh prav Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v Organizatsii Ob"edinennykh Natsii». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/330/82/IMG/NR033082.pdf?OpenElement>.
- [12] The Opening of China. Richard Nixon Foundation. URL: <https://www.nixonfoundation.org/exhibit/the-opening-of-china/>.
- [13] Memorandum from Department Head Oncken, 'Establishment of Relations with the People's Republic of China and Albania', November 20, 1970, History and Public Policy Program Digital Archive, Institut für Zeitgeschichte, ed., *Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1. Januar bis 30. April 1970* (München: Oldenbourg, 2001), 2089–2091. Translated for CWIHP by Bernd Schaefer. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119990>.
- [14] Sovmestnaya deklaratsiya ob ustanovlenii diplomaticheskikh otnoshenii mezhdu KNR i FRG (中华人民共和国政府和德国联邦共和国政府关于两国建立外交关系的联合公报) // *40-letie ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenii mezhdu Kitaem i Germaniei: istoriya i perspektivy* (中德建交40周年:回顾与展望) pod red. Gu Tszyun'li (顾俊礼), Yan Tszepu (杨解朴). - Izdatel'stvo Instituta Sotsial'nykh Nauk Kitaya), 2012.

ON THE WAY FOR THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS: SINO-WEST GERMAN TIES IN 1949–1972

Anatoly Tsvyk

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia*

The article considers the period of informal contacts between the PRC and the FRG before the establishment of diplomatic relations in 1972. There was very little direct contact between the parties in the 1950s. Diplomatic contacts between representatives of the two countries intensified in the 1960s due to the deterioration of Sino-Soviet relations and the increasing interest of West German business circles to develop trade ties with the PRC.

In the author's opinion, conducted by the West German Chancellor Willy Brandt from 1969 a new foreign policy course, as well as famous visit of President Nixon to China had a great impact on the convergence of China and Germany in the late 1960s – early 1970s. These resulted in the establishment of diplomatic relations between the PRC and the FRG in October 1972.

Keywords: PRC, FRG, foreign policy, trade and economic ties, diplomatic relations

Информация об авторе / Information about the author

Цвык Анатолий Владимирович – к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. *E-mail:* tsvyk_av@rudn.university

Anatoly Tsvyk – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* tsvyk_av@rudn.university.

Для цитирования / For citations

Цвык А.В. На пути к установлению дипломатических отношений: связи между КНР и ФРГ в 1949–1972 г. / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕ-ОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 24–32. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-24-32.

Tsvyk A.V. On the way for the establishment of diplomatic relations: Sino-West German ties in 1949–1972 / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 24–32. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-24-32.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.10.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-33-41

ОБРАЗ ТУРКА-ОСМАНА И ОТТОМАНСКОГО ГОСПОДСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА

Е.В. Линькова, А.А. Аксенова

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматриваются произведения и путевые заметки путешественников в Египет в XIX веке, в частности, в период правления Мухаммеда Али Египетского, с целью определения сложившегося образа турецкого господства в Египте в этих произведениях, а также личного отношения русских и французов к проводимой колониальной политике. Автор анализирует произведения путешественников в Египет и показывает факторы, повлиявшие на появление определенных оценок в образе турка-османа. Проведенный анализ позволил установить, что, несмотря на угнетение местного населения, жесткую колониальную политику, русские и французские путешественники по-разному относились к засилью турков в Египте, что показывает разную проводимую политику Франции и России по отношению к Османской империи.

Ключевые слова: образ населения, Египет, Мухаммед Али Египетский, колониальная политика, французские путешественники, русские путешественники

Введение. Политические, культурные и религиозные процессы, происходящие в XIX в., объясняют повышенный интерес к проблеме Восток–Запад. Засилье иностранцев на территории Египта, а также постоянные культурные столкновения европейцев и русских с «чужой» культурой приводят к возникновению системы стереотипов по отношению к разным народам. Данная проблема актуальна и сейчас в силу особенности современных международных отношений.

Обзор литературы. Анализ данной проблемы требует изучения различных историографических комплексов, в том числе литературы, посвященной путешествиям на Восток в данный период. Особое место занимают работы, где изучаются общие тенденции политического, экономического и культурного развития Египта при правлении Мухаммеда Али.

Проблема межконфессионального диалога христианства и ислама – одна из ключевых в данной работе. В статьях Н.С. Кирабаева [1–2] поднимается проблема понимания мусульманской культуры в мире, там же выделяется три

основных стереотипа: восприятие ислама как религиозного экстремизма, восприятие сквозь призму христианских ценностей, распространение ценностей Запада на Восток как единственно верный путь к прогрессу.

Среди источников в статье анализируются путевые записки, дневники, а также воспоминания участников экспедиций в Египет, следовательно, автор рассматривает литературу, посвященную этой проблеме. В целом для изучения мемуаров и путевых заметок необходимо обратиться к статье Н.Г. Георгиевой «Мемуары как феномен культуры и как исторический источник» [3], где мемуары рассматриваются как феномен отечественной культуры, а также высказывается мнение о необходимости введения данного вида источников в научную практику. В отечественной историографии важной монографией для изучения этого вопроса остается «Русские в стране пирамид: путешественники, ученые, коллекционеры» Беловой Г.А. и Шерковой Т.А. [4], где поэтапно рассматриваются периоды исследования русскими путешественниками и учеными Египта. Авторы попытались показать более глубокие причины интереса русской общественности к Востоку. Они высказывают предположение, что проводимые реформы Муххамеда Али в Египте заинтересовали русских общественных деятелей, в том числе Александра I, не меньше чем святые места. Также в книге рассматриваются поэтапно различные путешествия в Египет, вывозимые древности и первые раскопки на территории. Во многом монография расширяет проблематику проникновения русских людей в Египте.

С другой стороны, стоит рассмотреть французскую историографию. Здесь следует отметить, что после начала XX века исследователи избегают общих проблем и сужают научную тематику. Труд Фернара Бокура «Открытие Египта» [5] показывает историю египтологии с похода Наполеона до открытия Шампольона, рассказывая историю зарождения египтологии во Франции. Особенно делается акцент на египетскую кампанию Наполеона, а также на дальнейшие путешествия в Египет. Есть похожая по тематике книга Жана Веркуте «В поисках забытого Египта» [6], где кратко освещены основные направления развития истории египтологии, с акцентом на французские путешествия.

В начале XX века появляется работа о роли Востока во французской литературе Мартино [7]. Изучение образа Востока у французских путешественников не исследовалось углубленно до М.-Ж. Карре [8]. Автор подробно анализирует возникновение и развитие «образа Египта» по периодам: с XVI до Революции 1789 года; конец XVIII века. Второй период, по его мнению, наиболее важен, так как в это время издаются крупные произведения Вольнея и Денона.

В 90-е годы французская исследовательница Десме-Грегори [9] публикует работу по связям Франции и Османской империи в изучаемый период. В работе она подняла вопросы повседневного быта и уклада разных миров: французского и восточного. Образ Турции и турецкого населения, по мнению автора, был искажен европейцами, как и большинство восточных государств.

Восток представлялся деспотичным, с угнетенным населением и несметными богатствами.

Анализ историографии позволяет заключить, что исследователями была проведена значительная работа в данной тематике, накоплено достаточно информации по русско-египетским отношениям. Однако личное отношение российского общества к хедиву Египта остается пока мало изученным.

Цель и задачи. В статье предполагается рассмотреть произведения, путевые записки русских и французских путешественников в Египет с целью определить сложившийся образ турка-османа и турецкого гнета в представлениях русских и западноевропейских авторов.

Исследование проблемы. В начале XIX века изменилась политическая расстановка сил в Европе. В этот период началась эпоха возрождения оттоманской колонии под предводительством Муххамеда Али Египетского после многолетнего гнета Порты. Египет стал доступным для путешественников, паломников и ученых. Первые археологические находки притягивали путешественников в страну пирамид. Однако они столкнулись с нищей угнетаемой страной, реалиями колониального разрушения и засилием турков. Европейцы и русские по разному относились к местному населению и «угнетателям».

Россия и Франция проявляли наибольший интерес к Египту. Начиная с XI века паломники и купцы, посетившие долину, оставляли очерки о египетских достопримечательностях, культурных особенностях и религии.

Основные причины, которые двигали первых русских путешественников в Египет, – это интерес и любопытство к новой стране, ставшей более открытой после Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Оттоманской империей, а также актуальный в России и в Европе восточный вопрос. Конечно же, после появления научного интереса к истории Египта начался вывоз древностей, который в первой половине XIX века представляет собой особую коммерческую заинтересованность. Среди практических задач можно выделить заинтересованность в новых рынках сбыта, а также в импорте восточных продуктов, которые стали популярны именно в данный период.

В 1819–1820 годах Осип Сенковский, будущий ориенталист, совершил путешествие по Турции, Сирии и Египту, после чего сразу издал свои воспоминания в «Отрывках из путешествия по Египту, Нубии и верхней Эфиопии». Интерес у молодого востоковеда сформировался под влиянием-профессоров И. Лелевеля и Г.Э. Гроддека. Основная цель данного путешествия были будущие исследования и любопытство автора. Более того, Сенковский попытался вывезти первые египетские древности, включая дендерский зодиак, который остался на родине из-за начавшейся греческой революции. В своих очерках Сенковский описывает двойной образ Египта как величественной провинции и как обедневшего региона с отсталыми нравами. Рассматривая современное население, он отмечал тяжкий турецкий гнет, который прослеживается в раблепии и покорности.

Подчеркивая превосходство русского путешественника – щедрость, богатство, образованность – он приводит примеры египетской нищеты. Особый акцент в его записках он делает на абсолютную бедность населения, иллюстрирую живописными рассказами о русской щедрости и милости. Также он отмечает, что турецкое правительство оказало отрицательное влияние на население, но причины египетских бед кроются в «ленивом жителе Востока», подчеркивая, что «предметы роскоши неизвестны были в сей стране до покорения ее пашою» [10. С. 203]. Во-первых, рассматривая азиатский регион в целом, он выделяет общность порядков. Во-вторых, на примере вассальных отношений Египта и Османской империи он делает заключение о государственном устройстве азиатских обществ, отмечая развитость органов самоуправления, которые заменяют восточному человеку чувство гражданской свободы.

Большое жалование и покровительство египетского хедива привлекло русскую интеллигенцию в Египет. Один из путешественников врач А.А. Рафалович принял участие в специальной экспедиции на Восток для исследования чумы в 1845 году. Свое путешествие он начал в Константинополе, затем продолжил в Александрии и Каире, спускаясь в Нижний Египет. Главным результатом явилась монография «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» [11].

В данном произведении автор уделяет больше внимания современному состоянию населения, нежели истории, как он сам определил в предисловии. Путешественник преимущественно общался с коптским населением, хотя и сталкивался с мусульманами.

Ислам и исламское население вызвали у автора достаточно негативные чувства. Он подчеркивал их высокомерность, в Розетте «остальные мусульмане, и, как мне сказали, довольно фанатические и гордые» [11. С. 73]. Отдельно Рафалович не рассматривает Коран, тем не менее очень резко высказывается по отношению к местной религии: «религиозный фанатизм мусульман, если не обнаруживается в Египте под мощною рукою Мехмета-Али, тем не менее тлеет под золою, и что искра, раздуваемая злонамеренными, может вспыхнуть губительным пламенем» [11. С. 218], а многие христианские храмы он нашел в запустении либо сокрытыми «из опасения фанатизма и поруганий мусульман» [11. С. 218]. Как и Осип Сенковский, автор видит причину запустения Египта в неумеренном турецком гнете, а все положительные реформы в силу бедственного положения страны не приносили должного результата. «Таким образом, то, что в других странах служит к умножению благосостояния и богатства населения – присутствие больших фабрик, здесь, под турецким управлением, увеличивает нищету и разорение» [11. С. 240]. Для первой половины XIX века книга представляла уникальное явление.

В это время продолжались реформы хедива Египта, и для проведения геологических исследований Мухаммедом Али был приглашен наш соотечественник Е.П. Ковалевский в 1847 году. После проведения исследований в

северо-восточной Африке он издает книгу под названием «Путешествие во внутреннюю Африку» [12]. Очень резко и крайне отрицательно описывал он турецкий гнет в Египте, показывая все стороны невежества турок-осман, надругательства над местным населением. Трудности и неудачи в первые дни своей экспедиции он видел в невежестве турок и самого паши. Однако, несмотря на все трудности и лишения в Египте, отрицательные впечатления о рабстве и унижениях, жестоких традициях и обрядах, восточном деспотизме, путешественник проникся приятными чувствами к стране во многом благодаря Мухаммеду Али. Поэтому после своего возвращения предложил проект о регулярном паровом сообщении между Россией и Египтом. Однако такой проект был невыгодным для России, и его скоро отклонили.

В 40-е годы XIX в. совершают свои путешествия сразу два русских магистра Казанского Университета В. Диттель и И. Березин. Командировка от университета в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока И. Березина и В. Диттеля оказала определенное влияние на формирование образа турецкого гнета наравне с другими очерками путешественников. На первый план в этих произведениях выходит увлеченность романтикой истории и культурой исламских народов. Однако при публикации «путешествия» впечатления от поездки не были овеяны романтичным ореолом, Иван Березин называет ислам «нелепым религиозным заблуждением» [13], а красоте Востока – быстро увядающей.

Русские путешественники преследовали самые разные цели, посещая Египет и Восток в целом. Во-первых, это формирование тесных связей с освобождающимся Египтом. Однако удаленность территории, смена правителя и притязания на протекторат двух держав – Англии и Франции – все это помешало установлению связей.

Проанализировав различные труды путешественников, представляется возможным сделать вывод, что практически все они крайне негативно высказывались о засилье турок в Египте, при этом местное исламское население они видели как поработенный народ. Можно предположить, что напряженные отношения с Турцией, будущие конфликты и столкновения с ней определяли еще одну цель – создание отрицательного образа Османской империи как поработителей, страны, угнетающей и унижающей другие народы. Этот образ прослеживался в каждом произведении.

Что касается французских исследователей, то большинство путешествий в Египет началось в XVII веке, когда в Европе только возрождается интерес к Ближнему Востоку.

В начале XIX века в Египет отправляется молодой писатель и дипломат – Франсуа Шатобриан [14]. Шатобриан не разделял взглядов революционеров, так же как и не разделял он колонизаторские планы Франции по отношению к Востоку. В женщинах он усматривал красоту только на расстоянии, так как при приближении видны были все ужасы бедной жизни. «Женщины и дети, покрытые рубищами, убегают от чужестранца и янычара» [14. С. 89], опи-

сывает автор гнет зависимой страны. Шатобриан нарочито подчеркивал отсталость местного населения – арабов и турков, в отличие от европейца, показывая пренебрежительное отношение к памятникам древности, практику рабовладения и запугивание местного населения. Сравнивая с другими народами, он пишет: «...в Арабах напротив мы видим образованного человека, снова вернувшегося в дикость» [14. С. 318]. Француз видит причину запустения Египта в колониальном гнете, а возможное французское вмешательство, по его мнению, лишь усугубит ситуацию, так как французское правительство поддерживало турецкого пашу. Памятники стали руинами из-за невежества и гнета турецкой власти.

В целом путевой очерк написан в довольно высокомерной манере, принося местное население и возвеличивая европейца.

В 30-е годы XIX века французский историк Жозеф Мишо и политик Жан Пужуло совершили свое путешествие на Восток для сбора материалов по истории крестовых походов, вследствие чего была издана монография «Письма Востока, 1830–1838 годы». Монография двух историков полна красочных описаний. Восторженно изображена встреча с турками, они предстают отсталыми, но очень обаятельными для путешественников. Арабское население и бедуинов они показывают варварами, однако наделят их положительными чертами: своеобразная красота, устойчивость к непогоде, суровость. Что касается оккупации Египта турками, то авторы выделяют абсолютную несамостоятельность провинции, вследствие чего Египет должен находиться всегда под опекой более развитых государств [15].

В этот период путешествие на Восток совершает французский ботаник и аптекарь Пьер Марган Оше-Элой. В 1843 году он издает очерк своих впечатлений от поездки в книге «Отношение к путешествию на Восток в 1830 по 1838 годы» [16]. Сразу же автор подчеркивает разницу, существующую между турками и арабами: «В общем, турок важен, религиозен, с отличным сердцем, он ненавидит перебранки, и ничто так не любит, как еду и спокойствие. Араб, наоборот, легок, неопрятен, легче относиться к выполнению религиозных обязанностей, он быстро пьянеет и уж тогда начинает кричать и доказывать свою правоту, создавая намного больше шума, чем двадцать турков» [16. С. 14].

Практически все французские путешественники отмечали грубость арабского языка, приписывая определенные качества и их владельцем. Например, в данном очерке автор с неудовольствием замечает взбалмошность и грубость египтян, особенно когда они начинают беседы. Очень заметно чувствуется разница между отношением автора к местному населению и их метрополии.

В 1840-е годы в Египте оказывается на службе француз Клот-бей, в качестве инспектора врачебной части. По возвращении во Францию выпустил комплексный труд, посвященный исключительно египетским реалиям, «Египет в прежнем и нынешнем состоянии» [17]. Автор с сожалением говорит о неудачах французской армии в этом египетском походе и о провале колониальной цели Франции. Самое главное, что в этом поражении он видит также

ряд преимуществ непосредственно для арабов, чем для Франции. «Победы французов уничтожили влияние мамелюков, показав арабам всю слабость и ничтожность их притеснителей и приготовив, таким образом, восстановление их народности». Его отношение к турецкому гнету во многом отрицательно, в отличие от предыдущих путешественников. Будучи очень близок с русскими подданными при дворе Мухаммеда Али, он разделяет их негативное отношение к Турецкой империи.

Выводы. В заключение стоит отметить разнообразие взглядов на турецкое господство в Египте среди французских путешественников, в то время как русские путешественники рисовали единый негативный образ турка-османа. Французы рисуют образ невежественного дикаря, включая в это понятие арабов, турков, греков. Однако турки, по их мнению, более образованные, чем все остальные населяющие Египет народы. Русские путешественники, напротив, более доброжелательно относились к местному населению. Однако в турках подчеркивались все негативные черты: фанатичность, злоба, грубость, невежество и глупость. Такие образы местного населения строго отвечали государственным потребностям, для француза необходимо было оправдать свою колониционную политику в Египте, поэтому египтянин был невежественный дикарь, нуждавшийся в просвещении, которую мог принести с собой европеец. Для русского постоянная конфронтация с Османской империей требовала создать отрицательный образ врага, такой образ показывал Россию в свете защитника от «злого турка-угнетателя». А схожесть нравов между коптами и русскими делала возможным сближение церквей.

© Линькова Е.В., Аксенова А.А., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Кирабаев Н.С.* Проблемы понимания мусульманской культуры // Историко-философский ежегодник, 2003. М., 2004. С. 386–392.
- [2] *Кирабаев Н.С.* Ислам в контексте мировой цивилизации // Вестник РУДН. Серия «Философия». 1997. № 1. С. 7–20.
- [3] *Георгиева Н.Г.* Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 1. С. 126–138.
- [4] *Белова Г.А., Шеркова Т.А.* Русские в стране пирамид. Путешественники, ученые, коллекционеры. М., 2003.
- [5] *Beaucour F., Laissus Y., Orgogozo Ch.* La découverte de l'Égypte. Paris: Flammarion, 1997.
- [6] *Vercoutter J.* À la recherche de l'Égypte oubliée. Paris : Gallimard, 1998.
- [7] *Martino P.* L'Orient dans la littérature française au XVIIe et au XVIIIe siècle. Genève: Slatkine Reprints, 1970.
- [8] *Carré J.-M.* Voyageurs et écrivains français en Egypte. Caire: Impr.de l'Institut français d'archéologie orientale, 1956. II.
- [9] *Desmet-Grégoire H.* Le divan magique: l'Orient turc en France au XVIIIe siècle. P.: Sycomore, 1980.

- [10] Сенковский О.И. Отрывки из путешествия по Египту, Нубии и Вехней Эфиопии. Полное собрание соч. СПб., 1852. I т.
- [11] Рафалович А.А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб.: Типография Я. Трея, 1850.
- [12] Ковалевский Е. П. Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1849; 1872.
- [13] Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (РГИА). Ф. 977: Об ученом путешествии магистров Березина И.Н., Диттеля В.Ф. по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии, и Египту. (1841 г.). Оп. Ректор. Д. 654.
- [14] Chateaubriand Fr.-R. Itinéraire de Paris à Jérusalem. Tours a Mame, M DCCC LXXXIV.
- [15] Michaud J.-Fr., Poujoulot J.-J.Fr. Correspondance d'Orient, 1830–1831. P.: Ducollet, 1835.
- [16] Aucher-Eloy R. Relations de voyages en Orient, de 1830 à 1838. P.: Librairie encyclopédique de Robet, 1843.
- [17] Clot-bey A.-B. Aperçu général sur l'Égypte. P.: Fortin, Maison de Cie, 1840.

REFERENCES

- [1] Kirabaev N.S. Problems of understanding of Muslim culture. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2003 – Historical and philosophical year-book 2003*, 2004, P. 386–392 (in Russian).
- [2] Kirabaev N.S. Islam in the context of a world civilization, *Vestnik RUDN «Filosofija» – Vestnik PFUR «Philosophy series»*, 1997, no 1, P. 7–20 (in Russian).
- [3] Georgieva N.G. Memoirs as phenomenon of culture and as historical source, *Vestnik RUDN – Vestnik PFUR «History of Russia series»*, 2012, no 1, P. 126–138 (in Russian).
- [4] Belova G.A., Sherkova T.A. Russkie v strane piramid. Puteshestvenniki, uchenye, kollekcionery [Russians in the country of pyramids. Travelers, scientists, collectors]. Moscow, 2003.
- [5] *Beaucour F., Laissus Y., Orgogozo Ch. La découverte de l'Égypte. Paris: Flammarion, 1997.*
- [6] Vercoutter J. À la recherche de l'Égypte oubliée. Paris: Gallimard, 1998.
- [7] Martino P. L'Orient dans la littérature française au XVIIe et au XVIIIe siècle. Genève: Slatkine Reprints, 1970.
- [8] Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Egypte. Caire : Impr.de l'Institut français d'archéologie orientale, 1956. II.
- [9] Desmet-Grégoire H. Le divan magique: l'Orient turc en France au XVIIIe siècle. P.: Sycomore, 1980.
- [10] Senkovskiy O. I. Otryivki iz puteshestviya po Egiptu, Nubii i Vehney Efiopii. Polnoe sobranie soch. SPb., 1852.
- [11] Rafalovich A.A. Puteshestvie po Nizhnemu Egiptu i vnutrennim oblastyam Delyti. SPb.: Tipografiya Ya. Treya, 1850.
- [12] Kovalevskiy E. P. Puteshestvie vo vnutrennyuyu Afriku. SPb., 1849; 1872.
- [13] Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskiy arhiv g. Sankt-Peterburga (RGIA). F. 977: Ob uchenom puteshestvii magistrov Berezina I.N., Dittelya V.F. po Evropeyskoy Turtsii, Maloy Azii, Persii, Sirii, i Egiptu. (1841 g.). Op. Rektor. D. 654.
- [14] Chateaubriand Fr.-R. Itinéraire de Paris à Jérusalem. Tours a Mame, M DCCC LXXXIV.
- [15] Michaud J.-Fr., Poujoulot J.-J.Fr. Correspondance d'Orient, 1830–1831. P.: Ducollet, 1835.
- [16] Aucher-Eloy R. Relations de voyages en Orient, de 1830 à 1838. P.: Librairie encyclopédique de Robet, 1843.
- [17] Clot-bey A.-B. Aperçu général sur l'Égypte. P.: Fortin, Maison de Cie, 1840.

IMAGE OF THE TURK AND OTTOMAN DOMINATION IN THE WORKS OF RUSSIAN TRAVELER OF THE 19TH CENTURY

E.V. Linkova, A.A. Aksenova

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

In article works and traveling notes of travelers to Egypt in the period of Muhammad Ali of Egypt board for the purpose of definition of the developed image of a Turk domination in Egypt and personal attitude of Russian and French to the colonial policy in these works are considered. The author analyzes works of travelers to Egypt within the XIX century and shows the factors which influenced emergence of certain estimates in an image of Turk in Egypt. The carried-out analysis allowed to establish that despite the general negative attitude perception of Arabs, colonial policy, Russian and French has a different attitude to Turk domination in Egypt. It shows different foreign policy of France and Russia in relation to the Ottoman Empire.

Keywords: the image of people, Muhammad Ali of Egypt, colonial policy, French travelers, Russian travelers

Информация об авторах / Information about the authors

Аксенова Анастасия – аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов. *E-mail:* aksenovaافر@rambler.ru

Линькова Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов. *E-mail:* e.v.linkova@yandex.ru

Aksenova Anastasiya – postgraduate student of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* aksenovaافر@rambler.ru

Elena V. Linkova – PhD (in History), Associate Professor of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *E-mail:* e.v.linkova@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Линькова Е.В., Аксенова А.А. Образ турка-османа и османского господства в произведениях русских и французских путешественников XIX века / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 33–41. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-33-41.

Linkova E.V., Aksenova A.A. Image of the Turk and Ottoman domination in the works of russian traveler of the 19th century / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 33–41. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-33-41.

Рукопись поступила в редакцию/ Article received: 29.05.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-42-53

ДИПЛОМАТИЯ РФ И КНР В ДЕЛЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

У Жочэнь, А.А. Виноградова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

К концу XX века в мире произошли геополитические изменения. Вслед за распадом Советского Союза на мировой арене появляются новые игроки, которым только предстоит определиться со своим политическим будущим. Одновременно с этим происходит усиление позиций Соединенных Штатов Америки, которые становятся единственной сверхдержавой, не имея существенного противовеса со стороны других государств.

Вместе с развитием современной российской дипломатии, ее становлением в новом постсоветском пространстве дополнительный «импульс» получают и российско-китайские отношения. Выступая в качестве важных акторов международных отношений начала XXI века, Россия и Китай стали играть более значимую роль в развитии новой системы международных отношений, в том числе в деле обеспечения мира и безопасности на Ближнем Востоке, особенно ярко выраженную в совместной работе в рамках универсальной международной организации ООН. В данной статье автор анализирует участие китайской и российской дипломатии в разрешении военных конфликтов в Ираке и Ливии. Несмотря на активную совместную работу дипломатов России и Китая по урегулированию иракской и ливийской проблем мирным путем, результаты были запоздалыми и не смогли предотвратить кровопролитие.

Ключевые слова: Ирак, Ливия, Сирия, Россия и Китай, ООН, мир и безопасность, разрешение конфликтов

Ближний Восток отличается ярко выраженным контрастом в культурном, социальном, экономическом, военном и геополитическом плане, что в большой степени выражается высокой степенью нестабильности. По этой причине любой исторический период развития является актуальным для исследования.

Период начала XXI века – время крупных перемен в мировой политике и международных отношениях. Крушение социалистической системы, установление однополярного мира во главе с США, проповедующих западные ценности свободы и демократии, стали решающими для развития государств Ближнего Востока, в частности Республики Ирак.

События в Ираке конца XX – начала XXI вв. состоят из комплекса исторических хитросплетений. Начавшаяся в 2003 г. война – лишь последствие предыдущее-

го иракско-американского взаимодействия. В частности, после печально известной войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. на территории Ирака начала свою работу Специальная комиссия ООН, основными задачами которой стали надзор за ликвидацией оружия массового поражения, прекращение создания программ по разработке химического, бактериологического, ядерного оружия, а также ликвидация ракет большой дальности. Работа комиссии была прервана в 1998 г. из-за отказа иракской стороны в продолжении подобного сотрудничества [1]. Тем не менее, согласно резолюции 687 Совета Безопасности ООН были введены особые воздушные зоны, полеты боевой иракской авиации в которых запрещались [2]. Стоит особо подчеркнуть тот факт, что патрулирование данных зон отдавалось в ведение американской и британской авиации. В дальнейшем коалиционные войска вторгнутся в 2003 г. на территорию Ирака под предлогом угрозы, исходящей от режима Саддама Хусейна для американцев и всего мирового сообщества. Официально было выдвинуто обвинение правительству Ирака в возобновлении программ по разработке оружия массового поражения, сотрудничестве с Аль-Каидой и другими международными террористическими организациями. Таким образом, под флагом «спасения мира во всем мире» США получили обоснование начать войну против Ирака, несмотря на отсутствие санкций со стороны Совета Безопасности ООН.

Россия и Китай, обладая статусом постоянных членов СБ ООН, имели схожую позицию в отношении сложившейся ситуации, а также совместно работали над продвижением проекта возможного разрешения конфликта невоенными инструментами. В частности, ранее, 27 февраля 2001 г., министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань и министр иностранных дел РФ И.С. Иванов выступили с Совместным информационным коммюнике по иракскому вопросу [3]. В документе говорится о том, что оба государства выступают за урегулирование иракского вопроса мирным политическим и дипломатическим путями в рамках ООН.

Позиция России и Китая состояла в том, что Ирак «должен в полном объеме, строго и неукоснительно выполнять соответствующие инструкции СБ ООН и не может обладать оружием массового уничтожения и средствами его доставки». Главы МИД КНР и РФ призвали Багдад «в полной мере осознать важность и актуальность инспекций». Ирак, по их мнению, должен «максимально наращивать сотрудничество с ЮНМОВИК и МАГАТЭ, укреплять более активное и эффективное сотрудничество с инспекторами и создать необходимые условия для политического разрешения иракского кризиса».

Представители обеих сторон пришли к согласию в вопросе о важности роли инспекционной деятельности ЮНМОВИК и МАГАТЭ в разрешении иракского кризиса, а китайская сторона высказалась за усиление СБ ООН руководства и поддержки инспекционной работ. Также подтвердили серьезную решимость дальнейшему содействию политическому урегулированию иракского вопроса, исходя из позиции, что войны можно и нужно избежать [4].

И.С. Иванов и Тан Цзясюань также отметили, что «Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопас-

ности и должен и дальше играть центральную роль в разрешении иракской проблемы, руководствуясь целями и принципами Устава ООН. Все государства-члены ООН должны уважать и защищать авторитет и полномочия СБ ООН» [5].

Стоит особо заметить, что подобные уточнения в документах и совместных заявлениях могут демонстрировать шаткое положение международного баланса ввиду усиления НАТО во главе с США. Как известно, после распада СССР, чтобы оправдать свое дальнейшее существование (особенно после роспуска ОВД), НАТО поставила перед собой новые задачи в решении качественно новых проблем, проводя «глобальную» миссию, которая ранее была апробирована в Югославии в 1999 г.

В ответ на это Китай и Россия заявляют, что «преисполнены решимости продолжать поддерживать тесные контакты и сотрудничество для стимулирования политического разрешения иракского вопроса на основе принципов Устава ООН», подчеркивается в документе [3].

Анализируя резолюции СБ ООН по ситуации в Ираке, в большинстве из них «красной линией» проходят следующие два пункта:

1. Подтверждение ведущей роли ООН в оказании помощи народу и правительству Ирака в дальнейшем политическом и экономическом развитии, включая оказание поддержки и консультативной помощи правительству Ирака, а также Независимой избирательной комиссии Ирака, способствуя координации и оказанию помощи в деле восстановления и развития гуманитарной помощи и содействуя защите прав человека и национальному примирению.

2. Обращение к Соединенным Штатам Америки с просьбой от имени многонациональных сил продолжать ежеквартально представлять Совету доклады о достигнутом ими прогрессе [3].

Таким образом, введение коалиционных войск во главе с США в 2003 г. в Ирак не было санкционировано ООН. Более того, поведение коалиции происходило в нарушение резолюций СБ ООН, указывающих на необходимость разрешения иракского конфликта мирным путем, посредством ряда специальных миссий и инспекций. Подобные действия способствовали уменьшению роли Совета Безопасности, в попытке предотвратить несанкционированные действия НАТО СБ предпринимал действия «постфактум», пытаясь поставить американские войска в зависимость от ООН, например, вводя в резолюции пункт о необходимости предоставления докладов о проделанных работах и достигнутых результатах.

Совместные усилия дипломатий России и Китая по урегулированию иракской проблемы мирным путем принесли определенные результаты, хотя имели запоздалый характер, поэтому не смогли предотвратить кровопролитную войну в Ираке. Тем не менее, позиции РФ и КНР государств по вопросам международной безопасности по-прежнему совпадали, а главы государств

стремились совместно урегулировать подобные ситуации путем проведения совместных переговоров и консультаций.

РФ и КНР, как стратегические партнеры, согласовывали свои действия и во время гражданской войны 2011 г. в Ливии, разразившейся между силами, подконтрольными Муаммару Каддафи, и войсками оппозиции, поддерживаемой США, Европейским Союзом, Лигой Арабских Государств и другими государственными и негосударственными организациями. События в Ливии начались 17 февраля 2011 г., когда несколько тысяч демонстрантов, собравшись на площади Верховного суда в городе Бенгази, выступили против 42-летнего правления М. Каддафи, призвали его добровольно отказаться от власти в угоду демократическим преобразованиям. Подавление правительственными войсками выступлений привело к всплеску недовольства в Ливии. Манифестанты выдвигали новые требования: освобождение политзаключенных, отставка премьера Багдади аль-Махмуди. В это же время по государственному телевидению Ливии транслируется сюжет о том, что в Бенгази прошла манифестация в поддержку правящего режима [6], что поспособствовало разжиганию конфликта.

Внутреннее противостояние сторон осложнялось вмешательством иностранных государств и информационным фактором. Сразу после первых демонстраций против М. Каддафи в сети Интернет получили большое распространение репортажи и видеоролики якобы с мест событий, которые были акцентированы на жестоких действиях властей против мирных манифестантов. Подобная информационная «атака» против сторонников М. Каддафи получила название «сетевая агитация».

Отправной точкой популяризации ливийской проблемы в международном сообществе стало резонансное заявление М. Каддафи, сделанное 22 февраля 2011 г., о том, что он никогда не покинет страну и умрет как мученик [7]. Вслед за этим событием стали высказывать свои взгляды на сложившуюся в Ливии ситуацию представители большинства стран мира. Более того, 25 февраля 2011 г. в Брюсселе состоялось так называемое экстренное заседание НАТО [8]. Важно отметить, что именно в этот день прозвучала фраза директора вашингтонского отделения «Хьюман райтс уотч» Т. Малиновски о том, что на встрече обсуждаются не только дипломатические пути разрешения проблемы, но и вопросы относительно утверждения плана по урегулированию ситуации военным вмешательством.

В сложившихся обстоятельствах России и Китаю было необходимо продемонстрировать свое видение путей разрешения конфликта в Ливии. Стоит упомянуть заявление Президента России Д. А. Медведева, в котором говорилось о том, что Россия всесторонне осуждает применение военной силы против мирных граждан, происходящее под руководством правящей верхушки. Медведев также предупредил, что неосторожные действия, предпринятые мировым

сообществом, лишь спровоцируют дезинтеграцию государств и приведут к власти экстремистов, не подвластных хоть какому-либо контролю извне [9].

В данной ситуации Россия и Китай придерживались единого взгляда на механизмы разрешения ливийского кризиса. В частности, китайский дипломат Цзян Юй отметила, что Китай уважает выбор ливийского народа и будет всесторонне поддерживать инициативы по политическому урегулированию проблем, сложившихся в стране. К тому же Китай призывает представителей обеих сторон внутреннего конфликта в Ливии заботиться прежде всего об интересах народа и рассматривать всевозможные варианты урегулирования для скорейшего снятия напряжения в стране [10].

Гражданская война в Ливии предоставила России шанс заявить о себе на международной арене как об одном из ключевых игроков. Во-первых, Ливия имела большие экономические контакты с РФ (российские компании были задействованы в нефтяной, железнодорожной и оборонной промышленности, также страна производила импорт российского оружия), во-вторых, кризис в Ливии затронул важные вопросы международного порядка: право на гуманитарное вмешательство и роль ООН и НАТО при решении международных конфликтов.

Тем не менее, стремясь «сохранить лицо» перед Западом и сохранить отношения с США, Россия фактически «пожертвовала» Ливией, проголосовав сначала «за» введение эмбарго на экспорт вооружений в Ливию 26 февраля 2011 г., а затем, воздержавшись при голосовании относительно резолюции СБ ООН, провозглашавшей Ливию зоной запрета полетов и предоставлявшей государствам-участникам резолюции право предпринимать «все необходимые мероприятия» по защите гражданского населения [11, 12].

Причины действий России следует рассмотреть со стороны следующих позиций. Во-первых, лидер Ливии Каддафи не был для России политическим партнером (в отличие от сирийского государственного лидера Б. Асада), ради которого можно было пойти на риск внешнеполитической изоляции в арабском мире и среди стран Запада. Во-вторых, воздержавшись от голосования, России удалось и избежать ухудшения начавшейся внешнеполитической «перезагрузки» российско-американских отношений и оставить за собой возможность критиковать агрессивные акции западных государств на территории Ливии.

Однако с началом военной операции в Ливии Россия в значительной степени утратила политический вес в регионе. Опасаясь, что отныне власть полностью перейдет в руки западной коалиции, в июне 2011 г. российское правительство выступило с посреднической инициативой, призванной склонить Каддафи к уходу. К сожалению, Россия переоценила свои позиции и влияние в регионе. В итоге ни одна из сторон не проявила готовности к диалогу. Таким образом, была свернута программа дипломатических механизмов действий России в Ливии, главной задачей стала минимизация экономического ущерба.

Настало время для действий западной коалиции государств, уверенной в необходимости вмешательства в ситуацию в Ливии, а также в необходимо-

сти скорейшего проведения подобных методов разрешения проблемы через институты ООН, в частности, через механизм Совета Безопасности. Первым шагом на данном пути стало принятие СБ ООН 26 февраля 2011 г. резолюции 197 [13]. Именно данный документ можно считать «отправной точкой» последующей западной интервенции в Ливию.

Несмотря на то, что с первого взгляда данная резолюция была абсолютно объективной и призывала к поиску компромиссного решения, так как включала в себя необходимость прекращения насильственных мер в отношении мирных жителей и срочной доставки гуманитарной помощи на места, тем не менее, особо привлекает внимание пункт, в котором говорится о том, что государства обязаны досматривать грузы (на своей территории, в портах), следующие в Ливию, в ситуации, когда есть основания полагать, что грузы содержат запрещенные предметы, товары (например, вооружение). Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что фактически давалось разрешение на контроль за действиями в стране, имея закрепленное основание, что можно считать начальным этапом интервенции, т.к. подразумевает вмешательство во внутренние дела государства.

Следующим шагом стало принятие СБ ООН 17 марта 2011 г. резолюции № 1973 [14]. В преамбуле документа по-прежнему подчеркивалась твердая приверженность суверенитету и независимости Ливийского государства, упоминалось о невозможности пребывания на территории страны иностранных оккупационных войск. Тем не менее, в пунктах 6 и 8 данной резолюции упоминался тот факт, что государства могут принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население. На данную цитату документа стоит обратить особое внимание в силу того, что в тексте не давалось подробного определения, что можно классифицировать в качестве «необходимых мер».

Таким образом, у Запада появилась вполне реальная возможность свободно толковать данный термин, в частности, как возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Как известно, впоследствии коалиция западных стран откровенно встала на сторону ливийской оппозиции, чем фактически нарушила международное право, базирующееся на принципах Вестфальской системы. Военные действия международной коалиции против законного правительства Ливии не привели к желаемому результату: повстанцы стали терпеть поражение от правительственных сил. В подобных обстоятельствах достаточно показательную реакцию дали ведущие страны Запада – Франция, Великобритания и США. Согласно официальным заявлениям глав внешнеполитических ведомств, государства были готовы приступить к обсуждению вопроса о возможности поставок вооружения ливийским повстанцам [15]. Стоит подчеркнуть, что действия западной коалиции противоречили резолюции СБ ООН 1970 от 26 февраля 2011 г.,

в которой говорится о запрещении каких-либо поставок или продаж Ливийской Арабской Джамахирии вооружения, военной техники и снаряжения.

Ответом на действия Запада стал целый ряд официальных заявлений со стороны России и Китая. В частности, глава МИД России С.В. Лавров назвал неприемлемым свободное толкование текста резолюции СБ ООН [16]. Аргументами к подобной позиции стали следующие факты: официального разрешения на бомбардировку территории суверенного государства (Ливии) в тексте резолюции 1973 не содержалось; по официальным данным, в Ливии шла гражданская война (внутреннее дело государства).

Если рассматривать ситуацию с данной позиции, то можно констатировать факт, что западная коалиция, поставляя оружие повстанцам, де-факто встала на одну из сторон внутригосударственного конфликта, что противоречит принципам международного права.

Примечательно, что вслед за позицией России прозвучала и позиция Китая [17]. Китайская сторона официально выступила в поддержку поддержания суверенитета и независимости Ливии. Кроме того, постоянный представитель КНР при ООН Ли Баодун подчеркнул, что все вопросы о дальнейшем государственном управлении и о будущем Ливии как государства должны решаться исключительно ливийским народом [18].

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что Россия и Китай выразили серьезную обеспокоенность относительно продолжения военных действий в Ливии, с каждым днем уносящих жизни мирных граждан, а также указали на необходимость незамедлительного прекращения огня в стране [19].

Несмотря на старания дипломатии, распространилось мнение, что Россия проиграла войну за Ливию и «сдала» свои позиции в регионе. Негативный эффект имел тот факт, что Москва долго колебалась, прежде чем занять четкую позицию по гражданской войне в Ливии. Лишь 1 сентября 2011 г. – в день, когда в Париже состоялась встреча «Друзей Ливии», Россия стала 73-м государством, признавшим Национальный переходный совет единственным легитимным представителем ливийского народа. Российские позиции в «новой» Ливии не сильно отличаются от прежних. Новый премьер-министр страны аль-Киб пообещал, что все международные договоры остаются в силе, но они будут подвергнуты серьезной проверке на «безкоррупционность» и честность. Соответственно, подобные заявления могут стать значимым поводом для сокращения экономического сотрудничества с Россией.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Россия не смогла продемонстрировать свою значимость и свой международный авторитет в ходе ливийского кризиса. Более того, государство утратило экономические и политические позиции как в самой Ливии, так и в большинстве стран региона Северной Африки.

Тем не менее, позиции Китая и России по ливийскому вопросу снова были едины. Страны, как и прежде, путем консультаций, совместных заявлений и выступлений придерживались принципа мирного урегулирования конфлик-

тов и невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Более того, обстоятельства, при которых составлялись резолюции СБ ООН по Ливии, их трактовка странами Запада, стали значимым прецедентом для России и Китая [20, 21].

Благодаря приобретенному дипломатическому опыту в ходе ливийского кризиса Россия сумела правильно оценить обстановку в Сирии и заняла четкую и бесповоротную позицию. Именно поэтому Москва продолжает, используя право вето в рамках СБ ООН, блокировать все проекты резолюций, хотя бы отдалено напоминающие ливийский «сценарий» и оказывающие серьезное давление на режим Асада.

Заключение. Российская Федерация и Китайская Народная Республика в начале XXI века являются не только двумя крупными и ведущими государствами мира, а также соседями с протяженной границей, но и стратегическими партнерами на международной арене. Более того, обе страны занимают места постоянных членов в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций и обладают правом «вето» по всем обсуждаемым вопросам и их возможным решениям.

К концу XX века во всем мире произошли большие и довольно резкие геополитические изменения. Вместе с развитием современной дипломатии, ее становлением в новом постсоветском пространстве новый «импульс» получают и российско-китайские отношения, в том числе в рамках ООН.

В разрешении конфликтов в Ираке и Ливии старания дипломатов России и Китая, несмотря на совместный труд и гуманные цели, не привели к главной задаче: установлению мира в странах, во многом по причине нерешительности и потери ценного времени. Говоря о России, последняя не смогла продемонстрировать международный авторитет в ходе ливийского кризиса, потеряв способность лоббировать политические и экономические интересы как в самой Ливии, так и в большинстве стран Северной Африки.

Тем не менее, с точки зрения дипломатии позиции двух государств по вопросам международной безопасности по-прежнему совпадали, и главы государств стремились совместно урегулировать конфликтные ситуации путем переговоров и консультаций по различным вопросам, следуя принципам Устава Организации Объединенных Наций, таким как мирное урегулирование конфликтов и невмешательство во внутренние дела суверенных государств.

© У Жочэнь, Виноградова А.А., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Нечитайло Д.А.* О перспективах «Аль-Каиды в Ираке» // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/20-05-10.htm>.

- [2] Резолюция СБ ООН 687. Официальный сайт ООН. <http://daccess-ods.un.org/TMP/2211261.98768616.html>.
- [3] Совместное информационное коммюнике по иракскому вопросу. Сайт генерального консульства КНР. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwtd/2003s/t117469.htm>.
- [4] Возможная война в Ираке: «запасные варианты Китая на случай скачка цен на нефть» // Китайский информационный Интернет-центр, 28.02.2003. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/61898.htm>.
- [5] Глава МИД КНР Ян Цзечи о необходимости политического урегулирования кризиса в Ливии, 23.06.2011 // Жэньминь жибао.
- [6] Полковнику Каддафи пишут в социальных сетях // Коммерсант. 17.02.2011.
- [7] Defiant Gaddafi vows fight to death // Financial Times, 23.02.2011 // Financial times. <http://www.ft.com/cms/s/o/5b307dd4-3-e9d-11e0-9e8f-00144feabdc0.html#axzz1qj0xDbvC>.
- [8] Grey. B. As Libyan rebels close in on Gaddafi, US and Europe ramp up intervention // WSWS. org. URL: <http://www.wsws.org/en/articles/2011/02/liby-f28.html>.
- [9] Заявление Президента России в связи с ситуацией в Ливии, 25.02.2011. Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/news/10439>.
- [10] Заявление официального представителя МИД КНР Цзян Юй о ситуации в Ливии // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20110320/355847329-print.html?ria=1dmts5pd9kloq00ep9gv0okn5o02nc8r>.
- [11] Ted Galen Carpenter. The Security Council Vote on Libya: US concessions to Russia and China? // The national interest, 22.03.2011. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/the-security-council-vote-libya-us-concessions-russia-china-5057>.
- [12] Китай воздержался при голосовании по проекту резолюции о запрете полетов над Ливией, 18.03.2011// Жэньминь жибао.
- [13] Резолюция СБ ООН 1970. Официальный сайт ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N1124560.pdf?OpenElement>.
- [14] Резолюция СБ ООН 1973. Официальный сайт ООН. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>.
- [15] *Ходынская-Голенищева М.* «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. С. 37.
- [16] *Царик Ю., Разворот С.* Лаврова над Ливией, 10.03.2010 // Livejournal. URL: www.bgr.by/act/2011-03-10.
- [17] *Решетников Л.П., Карякин В.В.* К ситуации в Ливии, 21.03.2011 // РИСИ. URL: <https://riss.ru/analytics/2348>.
- [18] *Пахомова М.А.* Китайско-ливийские отношения накануне и после «арабской весны» 2011 года / Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2012. С. 333–342.
- [19] *Qu Xing.* Highlights of the international situation and China's Diplomacy in 2010 // China institute of international studies, 03.08.2011. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2011-08/03/content_4380694.htm.
- [20] *Jing-dong Yuan.* The Arab spring and China's evolving Middle East Policy // World Politics Review, 20.12.2011. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/10992/the-arab-spring-and-chinas-evolving-middle-east-policy>.
- [21] *Luke Patey.* China's new crisis diplomacy in Africa and Middle East // Danish Institute for International studies, 03.12.2015. URL: http://pure.diis.dk/ws/files/382809/PB_China_crisis_diplomacy_WEB.pdf.

REFERENCES

- [1] Nechitailo D. Perspectives of Al Qaeda in Iraq // Institute of Middle East. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/20-05-10.htm>.
- [2] UNSC Resolution 687. UN official site: <http://daccess-ods.un.org/TMP/2211261.98768616.html>.
- [3] Join communique on the Iraq issue. Website of the China's Consulate General. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwtd/2003s/t117469.htm>.
- [4] Possible war in Iraq: China's reserve options in case of a jump in oil prices // Chinese information Internet – center, 28.02.2003. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/61898.htm>.
- [5] Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China Yang Jiechi about the necessity of political regulation of crisis in Libya, 23.06.2011 // Renming Ribao.
- [6] Colonel Gaddafi gets messages in social networks, 17.02.2011 // Kommersant.
- [7] Defiant Gaddafi vows fight to death // Financial Times, 23.02.2011 // Financial times. URL: <http://www.ft.com/cmcs/s/o/5b307dd4-3-e9d-11e0-9e8f-00144feabdc0.html#axzz1qj0xDbvC>.
- [8] Grey B. As Libyan rebels close in on Gaddafi, US and Europe ramp up intervention // «WSWS.org». URL: <http://www.wsws.org/en/articles/2011/02/liby-f28.html>.
- [9] Russian President statement on the situation in Libya. 25.02.2011. URL: <http://kremlin.ru/news/10439>.
- [10] Foreign Ministry Spokesperson Jiang Yu's Statement on the Situation in Libya // RIA Novosti. URL: <http://ria.ru/world/20110320/355847329-print.html?ria=1dmts5pd9kloq00ep9gv0okn5o02nc8r>.
- [11] Ted Galen Carpenter. The Security Council Vote on Libya: US concessions to Russia and China? // The national interest, 22.03.2011. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/the-security-council-vote-libya-us-concessions-russia-china-5057>.
- [12] China abstained in the voting on the draft resolution banning flights over Libya, 18.03.2011 // Renmin Ribao.
- [13] UNSC Resolution 1970. UN official site: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N1124560.pdf?OpenElement>.
- [14] UNSC Resolution 1973. UN official site: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>.
- [15] Khodynskaya-Golenishcheva M. "The Libyan lesson." End justifies the means? M.: ZAO OLMA Media Group, 2013. P. 37.
- [16] Tsarik Yu. The turn of S. Lavrov over Libya, 10.03.2011 // Livejournal. URL: www.bgr.by/act/2011-03-10.
- [17] Reshetnikov LP, Karyakin VV. To the situation in Libya, 21.03.2011 // RISS. URL: <https://riss.ru/analitics/2348>.
- [18] Pakhomova MA. Sino-Libyan relations on the eve and after the "Arab Spring" 2011 // Society and the state in China: T. XLII, ch. 3 / Redkoll: A.I. Kobzev et al. M.: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IAS RAS), 2012. P. 333–342.
- [19] Qu Xing. Highlights of the international situation and China's Diplomacy in 2010 // China institute of international studies, 03.08.2011. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2011-08/03/content_4380694.htm.
- [20] Jing-dong Yuan. The Arab spring and China's evolving Middle East Policy // World Politics Review, 20.12.2011. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/10992/the-arab-spring-and-chinas-evolving-middle-east-policy>.

- [21] Luke Patey. China's new crisis diplomacy in Africa and Middle East // Danish Institute for International studies, 03.12.2015. URL: http://pure.diis.dk/ws/files/382809/PB_China_crisis_diplomacy_WEB.pdf.

ROLE OF RUSSIAN AND CHINESE DIPLOMACY IN PEACE AND SECURITY ESTABLISHMENT IN THE MIDDLE EAST IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Wu Rochen, Anna Vinogradova

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

In the end of the XX century, the world faced global geopolitical changes. Due to the Soviet Union dissolve, new actors appear on the international arena. At the same time, the US positions strengthening as well as the country becomes the most influential country of the globe. Along with the modern diplomacy development, the relations between Russia and China were also given an impetus. Being important actors on the international arena at the beginning of the century, Russia and China also played an important role in the new international relations system development, especially in the Middle East region that is greatly demonstrated through the joint work in the frameworks of United Nations. In particular, the author analyses the participation of Russian and Chinese diplomacy in the conflict resolution process in Iraq and Libya. Despite the active diplomatic collaboration of Russia and China on the conflicts in Iraq and Libya though the peaceful means did achieve results, however it was late and thus could not prevent the war.

Keywords: Iraq, Libya, Russia, China, diplomacy, UN Security Council, NATO, peace and security, conflict resolution

Информация об авторах / Information about the authors

У Жочэнь (Китай) – аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН. *E-mail:* wuruochen@yandex.ru

Виноградова А.А. (Россия) – магистр кафедры теории и истории международных отношений РУДН. *E-mail:* wuruochen@yandex.ru

Wu Rochen – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. *E-mail:* wuruochen@yandex.ru

Anna Vinogradova – student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. *E-mail:* wuruochen@yandex.ru

Для цитирования / For citations

У Жочэнь, Виноградова А.А. Дипломатия РФ и КНР в деле обеспечения мира и безопасности на Ближнем Востоке в начале XXI века / *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ*. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 42–53. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-42-53.

Rochen Wu, Vinogradova A.A. Role of Russian and Chinese diplomacy in peace and security establishment in the Middle East in the beginning of XXI century / *RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY*. 2018. 10(1): 42–53. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-42-53.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.10.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-54-63

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОАЛИЦИЯ И КИТАЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2013–2017 ГОДЫ

Е.Ю. Каткова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию взаимоотношений между Китаем и Австралией в период пребывания у власти Либеральной коалиции в 2013–2017 гг. Автором сделан обзор концептуальных основ внешней политики Австралии, а также основных событий, повлиявших на отношения Китая и Австралии в рассматриваемый период. Цель настоящего исследования – проследить эволюцию китайско-австралийских отношений после победы на выборах Либеральной коалиции. Задачи исследования – определить место Китая в австралийской внешней политике, выявить основные причины ухудшения отношений, а также оценить степень их влияния на экономическое сотрудничество. Основным методом исследования является нарративный метод, который позволил собрать факты из различных источников и выстроить их в последовательную цепь событий. В заключение автор приходит к выводу о том, что Китай является важным торговым партнером Австралии, что наряду с его экономической и военной мощью оказывает большое влияние на формирование австралийской внешней политики в регионе. Либеральное правительство, представленное Тони Эбботтом с 2013 г. и Малкольмом Тернбуллом с 2015 г. сделали союз с США и Японией основой их внешней политики, что в последствии повлияло на ухудшение китайско-австралийских отношений.

Ключевые слова: китайско-австралийские отношения, японский фактор, Т. Эбботт, М. Тернбулл

Введение. Уже более 50 лет двумя основными партиями, находящимися у власти в Австралии, являются Австралийская лейбористская партия и Либеральная коалиция, основным ядром которой является Либеральная партия Австралии. В зависимости от того, какая партия находится у власти, меняется и внешняя политика Австралии. В целом, в основе внешней политики обеих партий лежат три базовых принципа:

1. поддержание тесных отношений с США;
2. развитие связей со странами Азии;
3. активное участие в международных организациях.

Тем не менее, подходы партий к этим принципам расходятся, чем объясняются колебания австралийской внешней политики при ее внешне кажущейся единой линии.

Тесный союз с Соединенными Штатами является самым важным компонентом внешней политики Австралии. Этот альянс зародился во время Второй мировой войны и был официально оформлен 1 сентября 1951 г., когда США, Австралия и Новая Зеландия подписали в Сан-Франциско договор о создании АНЗЮС. Статья IV гарантирует при нападении на одну из стран-участниц в Тихоокеанском регионе вступление в войну других двух стран [1]. Таким образом, США уже более 60 лет являются гарантом национальной безопасности Австралии, и поддержание хороших отношений с Вашингтоном является важной задачей внешнеполитического ведомства страны. По этому поводу в 1968 г. австралийский историк и политолог Томас Миллар писал: «Если у Австралии и есть ключевая позиция по внешней политике, поддерживаемая всеми основными политическими партиями, то эта позиция заключается в необходимости сохранить дружбу и военное партнерство с Соединенными Штатами» [2. Р. 117].

Тем не менее, подходы двух партий к альянсу разнятся. Если лейбористы выступают за более прагматичный подход к обязательствам в рамках АНЗЮС, подчеркивая, что он действует только в АТР, то представители Либеральной коалиции последовательно поддерживали и участвовали в войнах США в Ираке, Афганистане и Сирии.

Вторым компонентом внешней политики является налаживание связей со странами Азии. Этот вектор внешней политики появился в середине прошлого века, когда Австралия начала активно выстраивать отношения с азиатскими соседями. Первенство в этой сфере принадлежит Лейбористской партии, однако еще в довоенное время либеральный премьер-министр Роберт Мензис заявил, что «то, что Великобритания называет Дальним Востоком, является для нас Ближним Севером... Я убедился, что Австралия должна учитывать в первую очередь свои интересы, обеспечивая себя своей информацией и поддерживая свои собственные дипломатические контакты с иностранными державами» [3. Р. 30–31].

Третий компонент – многосторонняя дипломатия. Лидеры Лейбористской партии всегда выступали за более активное участие Австралии в многосторонних институтах, включая ООН, АТЭС, G20 и т.д., ввиду того, что «средней державе» через организации легче добиться желаемых результатов на международной арене. Либеральная коалиция отдает приоритет двусторонним отношениям и придерживается прагматичного подхода к многосторонним соглашениям и институтам.

В последние три десятилетия важной особенностью внешней политики Австралии является следующая дилемма: в сфере безопасности страна зависит от альянса с США, однако экономические интересы тесно связаны с Китаем. Таким образом, перед Министерством иностранных дел и торговли Австра-

лии стоит непростая задача по поддержанию хороших отношений как с Пекином, так и с Вашингтоном, в связи с чем с середины 1990-х гг. Канберра ведет политику «хеджирования» между Китаем и США, что помогает обеспечивать интересы страны в области экономики и безопасности.

Исследование проблемы. 7 сентября 2013 г. в Австралии прошли парламентские выборы, по итогам которых Т. Эбботт, кандидат от Либеральной партии, стал 28 премьер-министром Австралийского Союза. Т. Эбботт был у власти почти два года, и 15 сентября 2015 г. его сменил М. Тернбулл, который также представляет Либеральную партию Австралии.

В сентябре 2013 г. Либеральная коалиция выпустила программный документ «Внешняя политика Коалиции», в котором были изложены шаги, которые предпримет будущее правительство в области иностранных дел. Среди ключевых партнеров, требующих постоянного внимания, были выделены: США, Япония, Индонезия, Китай и Индия. Соединенные Штаты были названы самым важным союзником Австралии, который вносит решающий вклад в безопасность и стабильность во всем мире, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Коалиция также планировала уделять более внимание построению отношений с Японией в экономической сфере путем подписания соглашения о свободной торговле и сфере безопасности на основе Трехстороннего стратегического диалога США – Австралия – Япония [4. Р. 4].

Среди приоритетных внешнеполитических направлений коалиционного правительства Китай занимает лишь четвертое место. В документе было отмечено, что «растущее экономическое, политическое и стратегическое значение Китая представляет, как возможности, так и проблемы для Австралии» [4. Р. 4].

С начала XXI в. отношения с Китаем были довольно сложные. Несмотря на стратегическую значимость, в отношениях двух стран были и остаются проблемы, среди которых: контакты Канберры с Далай-ламой и правительством Тайваня, участие Австралии в Трехстороннем стратегическом диалоге, который Пекин рассматривает как альянс, направленный на сдерживание Китая, а также расхождение во взглядах по региональным и другим вопросам двустороннего сотрудничества. Кроме того, либеральное правительство также обещало обновить отношения с Тайванем путем восстановления ежегодных встреч на уровне министров и подписанием соглашения о свободной торговле, что не могло не повлиять на китайско-австралийские связи.

Несмотря на то, что Коалиция обещала укрепить партнерские отношения с Китаем, ее внешнеполитическое видение, изложенное в предвыборном документе «Внешняя политика Коалиции», уже предопределило будущие непростые отношения нового правительства с Пекином.

После победы на выборах Либеральной коалиции отношения Австралии с Китаем сразу же стали ухудшаться. Основной причиной стало увеличение значимости альянса с США и Японией в австралийской внешней политике. Менее чем через месяц после выборов, 4 октября 2013 г., в рамках Трехстороннего

стратегического диалога на Бали Австралия присоединилась к США и Японии в совместном заявлении, в котором говорилось о их решительной оппозиции «любым принудительным или односторонним действиям, которые могли бы изменить статус-кво в Восточно-Китайском море» [5]. Это заявление имело явную антикитайскую риторику. Пекин довольно резко ответил на обвинение, 6 октября пресс-секретарь МИД КНР Хуа Чуньин заявил, что «США, Япония и Австралия являются союзниками, однако это не должно служить поводом для вмешательства во внутренние дела других государств» [6].

Во время встречи с премьер-министром Японии С. Абэ на площадке Саммита стран Восточной Азии в Брунее 9 октября 2013 г. Т. Эбботт назвал Японию «лучшим другом Австралии в Азии» [7. Р. 791]. В 2014 г., ссылаясь на это заявление, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «Китай, возможно, не самый близкий друг Австралии на данный момент, но Китай готов стать самым искренним другом Австралии» [8].

Напряженность в китайско-австралийских отношениях возникла уже в ноябре. В рамках своей политики по сближению с Японией Канберра решительно осудила действия китайских властей после того, как 23 ноября 2013 г. Пекин объявил о создании зоны идентификации ПВО в Восточно-Китайском море, которая включала спорные острова Дяоюйдао/Сэнкаку. Реакция Австралии была более решительной, чем реакция других «средних держав» региона, Министерство иностранных дел и торговли 25 ноября официально вызвало посла Китая для объяснений. Бывший министр иностранных дел Б. Карр и бывший посол Австралии в Китае С. Фицджеральд раскритиковали действия австралийского правительства. С. Фицджеральд написал, что: «в истории дипломатических отношений, помимо происшествия на Тяньаньмэнь, у нас не было такого ухудшения отношений» [9]. Пекин назвал реакцию Канберры «безответственной» и «ошибочной» [10]. Во время стратегического диалога между министрами иностранных дел в декабре 2013 г. Ван И вопреки дипломатическому протоколу во вступительной речи публично раскритиковал позицию Дж. Бишоп и реакцию Австралии на зону идентификации ПВО.

Формирование австралийско-японского союза продолжилось в 2014 г., когда в начале июля премьер-министр Японии С. Абэ совершил государственный визит в Австралию. Оба премьер-министра выступили с речью перед австралийским парламентом. С. Абэ в своей речи подчеркнул близость интересов безопасности Австралии и Японии, а Т. Эбботт выразил восхищение «навыками и чувством чести» японских солдат во Второй мировой войны [11]. Государственное информационное агентство Китая Синьхуа раскритиковало слова Т. Эбботта как «ужасные» в свете зверств, совершенных японскими военными во время оккупации Китая.

В мае 2015 г. в СМИ попало заявление высокопоставленного представителя Пентагона Д. Шира Сенату США о планах разместить дополнительные военно-воздушные силы в Австралии, включая бомбардировщики В-1 и самолеты-разведчики, в ответ на растущую угрозу Китая и его действия на спор-

ных территориях в Южно-Китайском море, что расширит военное сотрудничество между США и Австралией в рамках «стратегического разворота» в сторону Азии. Канберра и Вашингтон впоследствии опровергли эти слухи, заявив, что Д. Шир «оговорился», но дальнейшие расследования в различных СМИ показали, что эти планы в действительности имели место. МИД КНР раскритиковал эти действия, а китайские СМИ писали, что Австралия дорого заплатит за размещение бомбардировщиков В-1 [12].

Такой явный прояпонский и проамериканский крен во внешней политике Австралии вызвал большую обеспокоенность среди оппозиции и бизнес-кругов. Ухудшение отношений с Китаем и антикитайская риторика могли сильно повредить китайско-австралийским экономическим отношениям и разрушить предыдущие достижения Австралии, которая долгие годы успешно балансировала между своими экономическими интересами и интересами безопасности. В китайской прессе часто стало звучать недовольство австралийскими действиями. Например, бывший китайский генерал Ван Хунгуан заявил, что раз Австралия связала себя военным договором с Японией – врагом Китая, то Пекин должен пересмотреть свою экономическую и военную политику в отношении Австралии [13. Р. 295].

Тем не менее, несмотря на кризис политических отношений, сотрудничество в экономической области возросло. В 2013 г. товарооборот между двумя странами вырос на 22 млрд и составил 142,91 млрд долл. США. В последующие годы товарооборот возрос до 145,4 млрд. долл. США в 2014 г. и составил 149,6 млрд. долл. США в 2015 г. [14].

Во время первой встречи с председателем КНР Си Цзиньпином на саммите АТЭС на Бали 7 октября 2013 г. Т. Эбботт выразил желание подписать соглашение о свободной торговле, переговоры по которому начались еще в 2005 г. В апреле 2014 г. Т. Эбботт отправился в зарубежную поездку, охватывающую Японию, Южную Корею и Китай. Учитывая политические обстоятельства и беспокойство по поводу проблем в отношениях между Китаем, Японией и Австралией, некоторые ученые и журналисты пессимистично оценивали перспективы делегации. Они предсказывали, что торговые отношения будут «похоронены» политикой. Однако во время визита премьер-министр избегал политических разногласий, сосредоточившись на экономических интересах. Во время своего турне Т. Эбботт добился больших успехов, договорившись подписать со всеми тремя странами двусторонние соглашения о свободной торговле, что стало одним из самых важных достижений его внешней политики.

Главной проблемой в этой области оставался вопрос о китайских инвестициях в Австралию. Канберра ограничивает китайские инвестиции, что Пекин расценивает как дискриминацию своих инвесторов. В октябре 2013 г. после обещаний пересмотреть запрет предыдущего правительства на участие китайского сетевого гиганта «Huawei» в создании Австралийской общенациональной сети широкополосного Интернета Т. Эбботт оставил его в силе по рекомен-

дации австралийских органов национальной безопасности из-за опасений относительно предполагаемых связей компании с китайским правительством. Решение было подвергнуто критике со стороны МИД КНР.

Во время своего визита в Китай в 2014 г. Т. Эбботт объявил о возможном ослаблении контроля за китайскими государственными и частными инвесторами в рамках ускоренных переговоров по соглашению о свободной торговле. Премьер-министр также пригласил китайского лидера в Австралию на саммит G20, в ходе которого страны 14 ноября 2014 г. подписали Соглашение о свободной торговле.

В октябре 2014 г. правительство Эбботта отклонило предложение Китая стать одним из основателей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Предложение присоединиться к АБИИ разделило политическую верхушку Австралии. Казначей Дж. Хоккей и министр торговли Э. Робб изначально убеждали Кабинет министров о необходимости участия в АБИИ для обеспечения финансового влияния в Азии. Однако Президент США Б. Обама и государственный секретарь Дж. Керри попросили Т. Эбботта в рамках региональной системы альянса не присоединиться к китайской инициативе, т.к. эта структура будет конкурировать с уже существующими институтами – Всемирным банком, контролируемым США, и возглавляемым Японией Азиатским банком развития. Решение Т. Эбботта вызвало громкое неодобрение со стороны австралийских деловых кругов. В конце концов Австралия присоединилась к АБИИ в качестве потенциального учредителя в марте 2015 г. [15].

В целом, самым большим достижением в китайско-австралийских отношениях за весь срок пребывания у власти администрации Т. Эббота было подписание Соглашения о свободной торговле. В политическом плане отношения были испорчены чрезмерным уклоном внешней политики в сторону альянса с США и Японией. В опросе Институтом Лоуи в 2016 г. Т. Эбботт был назван худшим премьер-министром Австралии. В 2015 г. его сменил М. Тернбулл, на которого китайские лидеры возлагали надежды на потепление отношений, т.к. его первостепенными интересами была экономика. Его заявленная цель заключалась в том, чтобы избежать напряженности, т.к. сотрудничество Австралии и Китая экономически выгодно для обеих стран.

В 2016 г. вышла Белая книга по вопросам обороны, в которой была прописана позиция Австралии по основным проблемам безопасности в АТР, в том числе по территориальным спорам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море, а также ее дальнейшая политика. Альянс с США был назван основой безопасности и обороны Австралии, а важнейшей из шести ключевых движущих сил, которые будут определять безопасность АТР до 2035 г., – отношения между Китаем и США [16. Р. 15, 40]. Кроме того, Австралия официально заявила, что не занимает какую-либо сторону в конфликте в Южно-Китайском море, тем не менее, призвала не предпринимать односторонних действий по строительству искусственных сооружений [16. Р. 58]. Также новое правительство поддержа-

ло критику предыдущей администрации по поводу зоны идентификации ПВО в Восточно-Китайском море [16. Р. 60]. Хотя Китай не был напрямую назван угрозой, тем не менее в Белой книге большое внимание уделялось наращиванию китайской военной мощи и ее последствиям.

В 2017 г. вышла Белая книга по внешней политике, которая во многом повторяла текст Белой книги по безопасности касательно Китая, его мощи, территориальных споров и отношений с США. В Белой книге по внешней политике было сказано, что Австралия будет по-прежнему уделять первоочередное внимание позитивному и активному взаимодействию с Китаем и примет участие в китайских региональных проектах, в том числе в АБИИ и «Один пояс и один путь». Тем не менее подчеркивалось, что «время от времени более тесное взаимодействие будет сопровождаться трением, возникающим из-за наших разных интересов, ценностей, политических и правовых систем» [17. Р. 40]. Китайские СМИ назвали Белую книгу «незрелой».

В целом, внешняя политика М. Тернбулла в отношении Китая была намного мягче его предшественника. Среди проблем китайско-австралийских отношений в период с 2015 по 2017 г. осталась проблема инвестиций. Кроме того, в 2017 г. разгорелся скандал вокруг нового закона, подготовленного М. Тернбуллом, о иностранном вмешательстве. Он заявил, что КПК скрытно вмешиваться в работу австралийских СМИ, университетов и даже в решения политиков [18]. Представитель министерства иностранных дел Китая Гэн Шуан в ответ на эти обвинения заявил, что он был «поражен» комментариями премьер-министра и что он повторяет сплетни некоторых австралийских СМИ, которые предвзято относятся к Китаю, что отравляет атмосферу китайско-австралийских отношений и подрывает основу взаимного доверия и двустороннего сотрудничества. Однако, даже несмотря на эти проблемы, отношения между Китаем и Австралией в период администрации Тернбулла были намного более гладкими, чем у администрации Эбботта.

Заключение. Подводя итоги исследованию китайско-австралийских отношений в период правления Либеральной коалиции, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Китай и его экономический рост, а также лидирующая позиция в регионе являются важными факторами, которые учитывает правительство при разработке австралийской внешней политики. Во-вторых, краеугольным камнем политики Т. Эббота и М. Тернбулла стал альянс с США и Японией, что осложнило отношения с Китаем. В-третьих, несмотря на охлаждение политических отношений, австралийско-китайское экономическое сотрудничество продолжало успешно развиваться. В ноябре 2014 г. страны подписали Соглашение о свободной торговле, а товарооборот между Китаем и Австралией ежегодно растет. После смены премьер-министра в 2015 г. наметился сдвиг в политических отношениях. Несмотря на то, что правительство М. Тернбулла продолжило общий курс Либеральной коалиции во внешней политике, что подтверждают Белые книги по обороне и внешней политике,

тем не мнение, Канберра в своих заявлениях сменила явную антикитайскую риторику на более гибкие формулировки.

Несмотря то, что сейчас отношения между двумя странами остаются сложными, Китай является важным экономическим и торговым партнером Австралии, и администрации Тернбулла нужно избегать напряженности для продуктивного сотрудничества, отвечающего интересам обоих государств.

© Катков Е.Ю., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS] // Australian Treaty Series. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html>.
- [2] *Millar T.B.* Australia's Foreign Policy. Sydney: Angus & Robertson, 1968. 378 p.
- [3] *Sima W.* China & ANU: Diplomats, adventurers, scholars. Canberra: Australian National University Press, 2015. 117 p.
- [4] The Coalition's Policy for Foreign Affairs. Canberra: Brian Loughnane, 2013. 10 p.
- [5] Trilateral Strategic Dialogue Joint Statement // Minister for Foreign Affairs. URL: https://foreignminister.gov.au/releases/Pages/2013/jb_mr_131004.aspx?ministerid=4.
- [6] Пресс-секретарь МИД КНР Хуа Чуньин о пятом трехстороннем стратегическом диалоге между США, Японией и Австралией (Вайцзяобу фаяньжэнь Хуа Чуньин цзю ди у цы мэйджиао саньбянь чжаньлюэ дуйхуа) // Государственный совет КНР. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-10/07/content_2501438.htm.
- [7] *Fozdar F.* Asian invisibility / Asian threat: Australians talking about Asia // Journal of Sociology. 2015. Vol. 52. № 4. P. 789–805.
- [8] Ван И “побил” Австралию: не добавляйте неприятностей в Южно-Китайское море (Ван И “цяода” Аодалия: бе гэй наньхай вэньти тяньлуань) // China Daily. URL: http://world.chinadaily.com.cn/2014-09/08/content_18562846.htm.
- [9] *FitzGerald S.* Abbott's relations with China // Pearls and Irritations. URL: <https://johnmenadue.com/stephen-fitzgerald-abbotts-relations-with-china/>.
- [10] Ответ официального представителя МИД КНР Цинь Гана министру иностранных дел Австралии (Вайцзяобу фаяньжэнь Цинь Ган цзю Аодалия вайчжан) // Государственный совет КНР. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2013-11/27/content_2536145.htm.
- [11] Japanese Prime Minister Shinzo Abe Addresses Australian Parliament // Australian Politics. URL: <http://australianpolitics.com/2014/07/08/shinzo-abe-addresses-australian-parliament.html>.
- [12] Chinese: US bombers could be ‘a step too far’ for Australia-China relationship // Financial Review. URL: <http://www.afr.com/news/politics/world/chinese-us-bombers-could-be-a-step-too-far-for-australiachina-relationship-20150522-gh7lrz>.
- [13] *Beeson M., Zeng J.* Chinese views of Australian foreign policy: Not a flattering picture // Australian Journal of International Affairs. 2016. Vol. 70. № 3. P. 293–310.
- [14] Australia's Trade at a Glance // Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <http://dfat.gov.au/trade/resources/trade-at-a-glance/Pages/html/two-way-trading-partners.aspx>.
- [15] Australia and the Asian Infrastructure Investment Bank // Australian Centre on China in the World. URL: <http://aus.thechinastory.org/archive/australia-and-the-asian-infrastructure-investment-bank/>.

- [16] 2016 Defence White Paper. Canberra: Commonwealth of Australia, 2016.
- [17] 2017 Foreign Policy White Paper. Canberra: Commonwealth of Australia, 2017.
- [18] Turnbull says Australia will ‘stand up’ to China as foreign influence row heats up // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/dec/09/china-says-turnbulls-remarks-have-poisoned-the-atmosphere-of-relations>.

REFERENCES

- [1] Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS] // Australian Treaty Series. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html>.
- [2] Millar T.B. *Australia’s Foreign Policy*. Sydney: Angus & Robertson, 1968. 378 p.
- [3] Sima W. *China & ANU: Diplomats, adventurers, scholars*. Canberra: Australian National University Press, 2015. 117 p.
- [4] *The Coalition’s Policy for Foreign Affairs*. Canberra: Brian Loughnane, 2013. 10 p.
- [5] Trilateral Strategic Dialogue Joint Statement // Minister for Foreign Affairs. URL: https://foreignminister.gov.au/releases/Pages/2013/jb_mr_131004.aspx?ministerid=4.
- [6] Foreign Ministry Spokesman Hua Chunying Talks on the Fifth Trilateral Strategic Dialogue among U.S., Japan and Australia (Waijiaobu fayánrén Hua Chunying jiu di wu ci mei ri ao san bian zhanlüe duihua) // Central People’s Government of the People’s Republic of China. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-10/07/content_2501438.htm.
- [7] Fozdar F. Asian invisibility/Asian threat: Australians talking about Asia // *Journal of Sociology*. 2015. Vol. 52. № 4. P. 789–805.
- [8] Wang Yi “beat” Australia: Do not add trouble to the South China Sea issue (Wang Yi “qiaoda” aodàliya: Bie gei nanhai wenti tianluan) // *China Daily*. URL: http://world.chinadaily.com.cn/2014-09/08/content_18562846.htm.
- [9] FitzGerald S. Abbott’s relations with China // *Pearls and Irritations*. URL: <https://johnmenadue.com/stephen-fitzgerald-abbotts-relations-with-china/>.
- [10] Foreign Ministry Spokesman Qin Gang’s Remarks on the Australian Foreign Minister (Waijiaobu fayánrén qingang jiu aodaliya waizhang) // Central People’s Government of the People’s Republic of China. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2013-11/27/content_2536145.htm.
- [11] Japanese Prime Minister Shinzo Abe Addresses Australian Parliament // *Australian Politics*. URL: <http://australianpolitics.com/2014/07/08/shinzo-abe-addresses-australian-parliament.html>.
- [12] Chinese: US bombers could be ‘a step too far’ for Australia-China relationship // *Financial Review*. URL: <http://www.afr.com/news/politics/world/chinese-us-bombers-could-be-a-step-too-far-for-australiachina-relationship-20150522-gh7lrz>.
- [13] Beeson M., Zeng J. Chinese views of Australian foreign policy: Not a flattering picture // *Australian Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 70. №3. P. 293–310.
- [14] *Australia’s Trade at a Glance* // Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <http://dfat.gov.au/trade/resources/trade-at-a-glance/Pages/html/two-way-trading-partners.aspx>.
- [15] *Australia and the Asian Infrastructure Investment Bank* // Australian Centre on China in the World. URL: <http://aus.thechinastory.org/archive/australia-and-the-asian-infrastructure-investment-bank/>.
- [16] 2016 Defence White Paper. Canberra: Commonwealth of Australia, 2016.
- [17] 2017 Foreign Policy White Paper. Canberra: Commonwealth of Australia, 2017.
- [18] Turnbull says Australia will ‘stand up’ to China as foreign influence row heats up // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/dec/09/china-says-turnbulls-remarks-have-poisoned-the-atmosphere-of-relations>.

LIBERAL COALITION AND SINO-AUSTRALIAN RELATIONS IN 2013–2017

Evgeniya Katkova

Peoples' Friendship University of Russia
10 Miklukho-Maklay St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

The article discusses the Sino-Australian relations during the Liberal Coalition government in 2013–2017. The author reviews the conceptual frameworks of Australia's foreign policy and gives a retrospective of the main in Sino-Australian relations. The purpose of the study is to analyze the main problems affecting the development of political ties and assess their impact on Sino-Australian economic cooperation. The main research method is the narrative method allowing to collect facts from various sources and assemble them into a sequence of relevant events. The author comes to the conclusion that China is an important trading partner of Australia. Its economic and military power has a great influence on the formation of Australian foreign policy in the region. The liberal government represented by Tony Abbott in 2013–2015 and Malcolm Turnbull in 2015–2017 takes Australia – US alliance and strengthening the defense ties with Japan as a basis of its foreign policy. It later became the cause of the deterioration of Sino-Australian relations. Nevertheless, the cooling of political relations did not affect the trade and economic cooperation. China and Australia have signed the Free Trade Agreement and increased trade turnover.

Keywords: Sino-Australian relations, Japanese factor, T. Abbott, M. Turnbull

Информация об авторе / Information about the author

Каткова Евгения Юрьевна – аспирантка кафедры теории и истории международных отношений РУДН. *E-mail:* yeniya.dorogova@gmail.com

Evgeniya Katkova – postgraduate student of the Department Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. *E-mail:* yeniya.dorogova@gmail.com

Для цитирования / For citations

Каткова Е.Ю. Либеральная коалиция и китайско-австралийские отношения в 2013–2017 годы / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 54–63. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-54-63.

Katkova E. Liberal coalition and Sino-Australian relations in 2013–2017 / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 54–63. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-54-63.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 19.10.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-64-69

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ (1960–1990 ГГ.)

А.В. Минеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается процесс формирования институциональной основы проведения внешнеполитического курса КНР в отношении стран Африки и ее развитие в течение 1960–1990-х гг. По итогам изучения истории формирования ряда организаций, участвовавших в разработке и проведении «африканской» политики Китая, а также обзора целей их деятельности автор делает вывод о тесной связи между процессом формирования самой институциональной базы и потребностями актуальной политической конъюнктуры, на фоне которой реализовывался внешнеполитический курс КНР в отношении стран Африки.

Ключевые слова: китайско-африканские отношения, институциональная организация политики Китая в отношении стран Африки, народная дипломатия

Предметом исследования данной статьи является институциональная основа проведения внешнеполитического курса КНР в отношении стран Африки, процесс ее становления и развития в период с 1960-х гг. по 1990-е гг.

Полномочия по разработке и реализации «африканской» политики Китая были распределены между различными организациями на двух уровнях: официальном и уровне народной дипломатии. Теоретическую базу для работы различных государственных и негосударственных структур в границах указанных компетенций обеспечивало организованное на государственном уровне научное изучение Африки в КНР. Партийный контроль формально объявлялся главным фактором в координировании работ различных ведомств и объединений [1. Р. 215].

На официальном уровне главную роль в реализации задач китайско-африканского сотрудничества играли представители руководства КНР и ряд правительственных организаций.

Повестка китайско-африканского сотрудничества, его опорные пункты обсуждались, корректировались и утверждались в рамках встреч руководства

КНР и глав африканских стран. В данном контексте особо следует отметить две масштабные внешнеполитические акции: при выстраивании механизма взаимодействия с новыми партнерами африканский континент в период с декабря 1963 г. по февраль 1964 г. посетил премьер-министр КНР Чжоу Эньлай. Аналогичное мероприятие было организовано после перехода Китая к политике реформ и открытости внутри страны, вызвавшего закономерную коррекцию внешнеполитических установок и необходимость пересмотра имеющихся договоренностей: в декабре 1982 г. – январе 1983 г. состоялся визит на африканский континент премьер-министра КНР Чжао Цзыяна.

За выработку внешнеполитического курса КНР в отношении стран Африки и его последующую реализацию на уровне правительства отвечало несколько организаций. В структуре Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии Китая (КПК) в 1951 г. был образован *Отдел международных связей ЦК КПК* [2]. В период с 1951 г. до 70-х гг. XX в. это подразделение отвечало за взаимодействие КПК с коммунистическими партиями других стран, а также разработку и организацию внешнеполитических акций правительства КНР в зависимости от выбранного на текущий момент стратегического направления. *Секторы по изучению положения дел в странах Африки и по предоставлению помощи национально-освободительному движению странам континента* появились в 60–70-е гг. XX в. [3. Р. 113–114]. На уровне Государственного Совета КНР внешнеполитический курс КНР в отношении стран Африки находился в ведении Министерства иностранных дел (*Департамент стран Западной Азии и Северной Африки* и *Департамент стран Африки* были созданы в 1964г. [4]) и Министерства коммерции (1).

Активным проводником «африканской» политики Китая были и так называемые организации *народной дипломатии*. В рассматриваемый период создавались и функционировали самые разные профессиональные союзы и региональные объединения: например, Китайский комитет солидарности стран Азии и Африки или Бюро афро-азиатских писателей в Пекине [1. Р. 221; 8. Р. 99–100]. Однако в авангарде налаживания эффективного взаимодействия двух сторон на неофициальном уровне всегда оставалось созданное в апреле 1960 г. *Общество дружбы между народами Китая и Африки* [9]. Изначально оно позиционировалось как объединение, созданное с целью поддержания дружбы и взаимопонимания между китайцами и африканцами, для обеспечения крепкой базы развития китайско-африканских отношений по инициативе ряда неправительственных организаций, в том числе и Китайского народного общества дружбы с заграницей. Постепенно в сферу компетенции *Общества* вошел контроль и поддержание большинства связей КНР и стран Африки вне правительственного уровня [10. Р. 107–109].

Плодотворное функционирование вышеперечисленных китайских организаций было невозможно без достойной теоретической подготовки, и это прекрасно понимало руководство страны.

27 апреля 1961 г. в китайской историографии считается днем рождения китайской африканистики, ведь именно тогда Мао Цзэдун, рассуждая о перспективах китайско-африканских отношений, обратил внимание на важную проблему: «Ситуация в Африке нам (вот мне, например!), не ясна. Нужно основать исследовательский институт по изучению Африки: ее истории, географии, социально-экономического положения на континенте. Мы ничего не знаем ни об африканской истории и географии, ни о текущем положении дел там! Поэтому нам нужна одна простая, доступная книжечка, небольшая, страниц на 100–200. Можно попросить наших африканских друзей о помощи! И в течение года – двух лет написать» (3) [11. Р. 465]. Внешнеполитические интересы страны стали предпосылкой для зарождения африканистики в КНР, причем появление нового научного направления было связано не столько со стратегическим планированием, сколько с потребностью преодолеть провал в знаниях о континенте в целом.

Тематика китайских исследований в области африканистики трансформировалась в следующем порядке: в 60-е гг. XX в. ученые КНР изучали национально-освободительное движение, антиколониальное движение в странах Африки и занимались переводами зарубежных работ по африканистике (2); в 70-е гг. XX в. главным предметом исследования стали африканский национализм в форме панафриканизма и негритюда, также в этот период китайские исследователи обратили внимание и на роль личности в истории; в 80-е гг. XX в. изучение Африки в Китае вышло за пределы исторической и социальной тематик – стали появляться работы по африканскому художественному и музыкальному искусству, литературе, географические исследования, материалы об особенностях ведения аграрного хозяйства в природных условиях африканского континента; в 90-е гг. XX в. спектр тем расширился за счет изучения проблемы трайбализма, межнациональных отношений, судеб социализма и демократии в африканской политической культуре [3. Р. 111, 113, 116–117, 122].

По мере роста тематического разнообразия исследований развивалась и система научной школы китайской африканистики.

Первыми научными учреждениями, в которых изучение африканских проблем началось еще в 1950-е гг., стали *отделение Западной Азии и Африки* при исследовательском институте международных отношений Академии наук КНР (создано в 1956 г.), Нанькайский университет в Тяньзине (регион изучения – страны Северной Африки) и Южно-китайский педагогический университет в Гуанчжоу (изучение Центральной Африки) [3. Р. 112; 12. Р. 3]. В 1961 г. свой исследовательский центр – *Институт изучения стран Азии и Африки*, который в 1964 г. был разделен на два подразделения – *Институт Западной Азии и Африки* и *Институт изучения Юго-Восточной Азии*, – появился в подчинении Отдела международных связей ЦК КПК [12. Р. 4]. 1 января 1981 г. передан Китайской академии общественных наук. В настоящее время сотрудники *Института* занимаются исследованием истории, социальных порядков, культуры, религии, правовых систем стран специализации и готовят аналити-

ческие отчеты о текущей ситуации в регионе в зависимости от международной повестки. Итоги исследовательской работы публикуются в профильном журнале – «*Западная Азия и Африка*» [13].

В структуре высшей школы после доклада ЦК КПК о необходимости увеличить объемы исследований в сфере международных отношений (30.12.1963) [3. Р. 112] свои «институты Африки» стали создаваться при университетах: в 1964 г. при Пекинском университете был создан *исследовательский центр по изучению стран Азии и Африки*; на историческом факультете Пекинского университета открыли кафедру истории стран Азии и Африки, а на географическом факультете Нанкинского университета – кафедру экономической географии стран Африки [12. Р. 4].

После начала проведения политики реформ и открытости в КНР, помимо традиционных научных институтов, стали появляться исследовательские центры новой формации. В 1979 г. с целью объединения усилий, опыта и знаний ведущих китайских исследователей в сфере африканистики, представителей деловых кругов, заинтересованных в сотрудничестве КНР со странами Африки в хозяйственной сфере, журналистов, должностных лиц, ответственных за взаимодействие со странами Африки, и других заинтересованных лиц было учреждено *Китайское общество по изучению Африки*. Объединение должно было стимулировать всестороннее изучение африканских проблем, развитие китайско-африканского сотрудничества в научной и образовательной сферах, способствовать популяризации знаний об Африке, ее населении среди простых китайцев для обеспечения построения дружественных, добрых отношений между народами двух регионов [14]. В 1980 г. на базе института международных отношений Пекинского университета в целях стимулирования международного научного взаимодействия по изучению проблем африканской истории, содействия развитию китайско-африканских отношений было основано *Китайское общество изучения истории Африки* [15].

Таким образом, в КНР руководящий состав страны, профильные органы государственной власти и подконтрольные им ведомства, организации народной дипломатии и научные учреждения, в которых формировалась китайская африканистика, стали опорными точками для выстраивания в 1960-х – 1990-е гг. стройной институциональной основы для обеспечения внешнеполитических интересов Китая в Африке. Система выстраивалась таким образом, чтобы оперативно отвечать на текущие вызовы международных отношений и сформировать прочный базис на теоретическом и практическом уровнях для выстраивания слаженного механизма китайско-африканского взаимодействия и возможности стратегического планирования хода сотрудничества в перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В августе 1970 г. при Госсовете КНР было образовано Министерство внешних экономических связей. В его ведении были организация и проведение переговоров со странами Азии, Африки и Латинской Америки по предоставлению им экономической помощи; подписание соответствующих договоров и контроль над процессом их осуществления; подписание договоров с зарубежными странами по техническому сотрудничеству и так далее. Однако оно просуществовало только до 1982 г., пока не вошло в состав Министерства внешней экономики и торговли (с 1993 г. – Министерство внешнеэкономического сотрудничества и торговли, с 2003 г. – Министерство коммерции КНР) совместно с Министерством внешней торговли, Государственной комиссией по импорту и экспорту и Государственной комиссией по инвестиционно-му контролю. Подробнее см. [5], [6], [7].
- (2) За период с 1966 г. по 1976 г. подведомственный Отделу международных связей ЦК КПК Институт Западной Азии и Африки опубликовал 117 работ, 111 из которых были переводами [3. Р. 115].
- (3) Первая монография китайских ученых «Ситуация в Африке» была написана в 1962 г. Для широкой общественности она была опубликовано только в 1981 г. [3. Р. 112, 117].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- [1] Larkin B.D. *China and Africa: The Foreign Policy of the People's Republic of China 1947–1970*. Berkeley, L.A., Lnd., 1973. [In English].
- [2] General Information about the International Department of the Central Committee of the Communist Party of China. URL: <http://www.idcpc.org.cn/gywb/wbjj/> (Date: 20.04.2017). [In Chinese].
- [3] Li Anshan. African Studies in China in Twentieth Century // *The Journal of International Studies*, 2006, № 4. [In Chinese].
- [4] Zheng Jiancheng, Long Xiangyan. A Historical Survey on Transitions and Background of the African-related Region Department of the Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 1949–1964 // *African Studies*, 2013, № 1. URL: <http://www.iccs.cn/contents/610/11941.html> (Date: 11.05.2014). [In Chinese].
- [5] The Ministry of Economic Relations with Foreign Countries // *The History of Ministry of Commerce PRC*. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/history.shtml> (Date: 11.05.2014). [In English].
- [6] The Ministry of Foreign Economic Relations and Trade // *The History of Ministry of Commerce PRC*. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/history.shtml> (Date: 11.05.2014). [In English].
- [7] The History of Ministry of Commerce PRC. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/mofcom/yange.shtml> (Date: 11.05.2014). [In Chinese].
- [8] Deich T. L.. *Maoism – the threat for Africa*. M., 1972. [In Russian].
- [9] General Information about the Chinese – African People's Friendship Association. URL: <http://www.capfa.org.cn/cn/about.asp?id=239> (Date: 11.05.2014). [In Chinese].
- [10] Barnett A. D. *The Making of Foreign Policy in China*. Boulder, Lnd., 1985.
- [11] Mao Zedong. Africa is the front line of our struggle // *Mao Zedong. Selection. Diplomacy*. Beijing, 1994. [In Chinese].

- [12] Zhang Hongmin. The developing of African research in China // West Asia and Africa, 2011, № 5. URL: <http://qk.cass.cn/xyfz/qkml/2011year/5/201105/P020131220295494781812.pdf> (Date: 07.06.2013). [In Chinese].
- [13] General Information about the Institute of Asia and African Countries Studies. URL: <http://iwaas.cssn.cn/bsgk/sjj/> (Date: 25.04.2016). [In Chinese].
- [14] General Information about the Chinese Society for African Studies. URL: <http://iwaas.cass.cn/xuehui/zgfzwtjyh/2013-07-01/2676.shtml> (Date: 07.05.2014). [In Chinese].
- [15] General Information about the Chinese Society of African Historical Studies. URL: <http://www.africastudy.cn/cate/10.aspx>. (Date:07.05.2014). [In Chinese].

THE INSTITUTIONAL BASE OF THE CHINESE POLICY TOWARDS AFRICA

A. Mineeva

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The article analyses the institutional base of the Chinese policy towards Africa: its establishing and managing process during the period from 60s to 90s of 20 century. The article contains a review of the main formal and informal organizations, engaged in developing the Chinese policy towards Africa and its realization. The article also provides for some statistics on the process of establishing the institutional base of the Chinese policy towards Africa, detail information on the aims of the organizations on different levels. Based on that data the conclusion is made, describing the coherence between this institutional organization and the needs of the Chinese strategy towards Africa.

Keywords: Chinese – African relations, institutional base of the Chinese foreign policy, “public” diplomacy

Информация об авторе / Information about the author

Минеева Анна – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail:* mineeva.anna@mail.ru

Anna Mineeva – postgraduate student, The Department of World History Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. *E-mail:* mineeva.anna@mail.ru

Для цитирования / For citations

Минеева А.В. Институциональная основа проведения политики Китая в отношении стран Африки южнее Сахары (1960–1990 гг.) / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 64–69. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-64-69.

Mineeva A.V. The institutional base of the Chinese policy towards Africa / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 64–69. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-64-69.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.06.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-70-78

CHINA – EGYPT BILATERAL RELATIONS UNDER MUBARAK (1981–2011)

E.A. Bazanova, A.A. Kudelin

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

E.I. Semenova

National Research University «Higher School of Economics»
17 Malaya Ordynka St., bldg. 1, Moscow, 119017, Russia

The article aims to investigate the main features of China-Egypt bilateral relations in period of Hosni Mubarak ruling in Egypt, to follow up the character of relations and mutual impact.

The period has a great value for investigation of the steps to partnership, how two countries cooperated in new conditions on the world arena. Hosni Mubarak had risen in power in 1981, it also was a period, when Deng Xiaoping was pursuing a policy of “open doors”. Mubarak built friendly relations with China, when whole world was facing rising of New China with new agenda and enormous potential. In 1990s China became the net-exporter of the oil because of increasing demand of energy sources. Relations between two countries are complex and facing certain challenges. Considering China and Egypt impact on the third world, these cases are known to be a success story of development in unique way, pursued by the eastern countries, that's why specialists in economy and political development always speak about Chinese and Egyptian ways of development in modern world, so this kind of cooperation is interesting from that point of view.

So called Arab spring has put an end of Mubarak era and this period became a crisis for China economic and political strategy of cooperation with Egypt. Therefore, the authors pretend to consider Mubarak – China relations period in whole as a historical stage.

Keywords: China-Egypt relations, economic and political cooperation, Mubarak era, Arab Spring

Introduction. The article aims to investigate the main features of China-Egypt bilateral relations in period of Hosni Mubarak ruling in Egypt, to follow up the character of relations and mutual impact. The period has a great value for investigation of the steps to partnership, how two countries cooperated in new conditions on the world arena. Relationships between two countries began in 1953 with commercial sense, with offer of Egypt to buy Egyptian cotton. After three years in

1956 two countries established official conditions for diplomatic dialogue, the core of relations still was trading. Egypt became the first African-Arab country, which recognized the Communist China. That period of time China was seeking any international support, nevertheless Egypt was also considered as an important strategic point due to its territorial position, the Suez canal, two seas, dividing Europe and Africa etc. 1956 for Egypt was a year of demonstrating power and independence from France, firstly, by nationalization of the Suez Canal, which lead to Suez crisis, secondly, by establishing relationships with Communist China. The second historical step of China-Egypt cooperation before Mubarak was marked with signing the technical and economic cooperation agreement, it used to be renewed every year since 1964. During the period Sadat was a president of Egypt, China funded the brick factory in Egypt [7. P. 95].

Research. The PRC government sought to establish relations with the Arab states of the Middle East. During the Bandung Conference (April 1955) first premier of the People's Republic of China Zhou Enlai invited Gamal Abdel Nasser, the president of Egypt, to visit China.

In May 1955 Egyptian delegation visited China and signed an agreement on cultural cooperation. In this period Egypt was the key partner of China in the Middle East. After several visits of Egyptian journalists and artists in 1955–1956 the government of Egypt officially recognized the Communist government of China. After that several agreements on trade and economic cooperation were signed and China became the third importer of Egyptian cotton in the world. Chinese government aimed to improve and maintain the relations with Egypt as the leader of Arabic world so it decided to support Arabic countries in all international issues such as Palestinian problem and Suez Canal nationalization. In the period from 1950's until the early 1970s the country's policy in the Middle East region had "Pro-Arab" character and it played an important role in developing relations with Egypt.

In 1970's China's policy in Middle East was determined by the conflict with USSR. At the same time Anwar Sadat, the next president of Egypt, who came to power after the death of Nasser, also spoiled relations with USSR and was searching for the new vector of Egyptian foreign policy. Leaders of PRC in their speeches were blaming USSR for inciting Arab-Israeli conflict. In those circumstances Anwar Sadat became the closest ally of China in the region. Thus, it can be concluded that until the 1980s the relations between China and Egypt were determined mostly by the ideological component.

The 1980s became for China not only a period of considerable internal political changes, but also the time of revision foreign policy interests, in particular, rethinking the PRC strategy in the Middle East. Sino-Egyptian cooperation has acquired a new impetus for development based on the cooperation, expansion of economic and trade relations and interaction in the field of culture, education and the media. Middle Eastern policy of China reflected the desire of Chinese government to create a peaceful environment in the region for implementation of economic cooperation with Arab states [11. P. 91].

Hosni Mubarak became a first Egypt president who visited the People Republic of China. He was on the seat since 1981 to 2011. The first time in 1976 Mubarak visited China, he was a vice-president of Egypt. Thereafter he personally met Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Zhou Enlai, Hu Jintao.

In the articles dedicated China-Egypt relations authors as rule underline the common conditions faced by two countries such as need to safeguard sovereignty, to enhance foreign trade. Two countries considered as two successful case of development on the East, China and Egypt assumed a responsibility to support developing countries.

Hosni Mubarak contributed a lot in China-Egypt bilateral relationships, after his first visit in China in 1976, he named Chinese people as brother of Egyptians [6. P. 20]. He claimed that cooperation could provide a development of economy, trade and agriculture. In 1983 Mubarak as a new president of Egypt had an official meeting with Deng Xiaoping. During the meeting, both leaders underline the importance of cooperation, proclaimed eternal friendship between nations. In September 1983, the International Commission of Jurists awarded him a peace prize. Mubarak attached importance of developing friendly relations with China, he visited China many times. In April 1994, after receiving the invitation of Chinese President Jiang Zemin, Mubarak visited China for the sixth time.

The seventh visit of Hosni Mubarak to China is known to be of great value for bilateral relations of two countries. It was a step of establishing strategic cooperation towards the 21st century [1]. In 1999, the then heads of the two states Hosni Mubarak and Jiang Zemin signed a communiqué on the establishment of Sino-Egyptian strategic cooperation.

They stressed that it was important for the two influential developing countries of China and Egypt to work together for greater solidarity and closer cooperation among developing countries, to seize a gap between developed and developing worlds.

Main points of the communiqué are following:

- 1) estimating cooperation between countries as healthy, friendly and stable;
- 2) China supported the right of Palestinian people to self-determination and their own land;
- 3) Uniting against terrorism;
- 4) Accepting the idea of leaders annual meeting;
- 5) Together support developing countries to reduce gap with developed countries.

Since the 2000s, even before the concept was included in the course of party policy, the PRC began to use the principle of “soft power” in relations with developing countries and, in particular, with Arab states of the Middle East. One of the main directions of this principle in practice was the cooperation of the PRC with Arab countries in the field of education. Egypt became the key partner in the region in educational cooperation. In 1996 first joint scientific symposium was organized in Beijing. As a result ministers of education of the both countries formed joint working group with the aim to maintain cooperation between Ministries of China

and Egypt in the field of scientific and cultural exchange. Subsequently several cultural and educational events were organized in China and Egypt. November 17 1997 in Cairo representatives of two countries signed in an agreement about mutual recognition of diplomas of several Chinese and Egyptian universities. The list of Chinese universities included Beijing University, Beijing Institute of Foreign languages, Beijing University of language and culture, Shanghai pedagogical University, Yunnan University and others. Among Egyptian universities there were Cairo university, Alexandria University, Ain Shams university, Zagazig University, Minnia University. One of the biggest centers of Chinese studies in the Middle East was opened in Ain Shams university. On the faculty of foreign languages al-Asun of this university there is an oldest chair of Chinese languages which was opened in 1958. As a result of intensive cooperation in educational field Egypt became the center for training of specialists in Chinese languages, philology and researches in the Middle East. At the same time most of the Chinese students and teachers preferred to go to Egyptian universities for summer schools and practices to improve their Arabic languages such as Cairo university, al-Ahar university, 6th October University, Nahda University [12. P. 87].

During Mubarak era China and Egypt significantly improved cooperation in tourism. After signing an agreement on tourism developing between China and Egypt in October 2001 number of Chinese tourists visiting Egypt was constantly growing. In 2005 35000 Chinese tourists visited Egypt.

The most important strategic point in relations became an agreement of building new port Sokhna. It was signed in a framework of joint communiqué in Beijing. Two sides set up strategic cooperation relations for the 21st century, so as to push bilateral relations to a new stage of development. Sokhna port was planned to build in the Suez Economic Zone, which would provide Chinese companies an access to the world's principal maritime routes [5]. So Chinese companies would have a relatively short distance to reach ports on both the northern, southern, and eastern Mediterranean borders, and they will have reduced the distance to North American consumer markets approximately by half [7. P. 95]. It is known to be a turning point of cooperation nature between two countries, from export-import relations to investment and joint projects, from traditional form to modern. One of the significant beginning was the cooperation in the Suez Economic Zone North-west Gulf, in addition to establishing the Egyptian companies' affiliates in China [8]. To frame it all the China-Africa Development Fund was founded. To sum the results of Mubarak's efforts in developing China-Egypt cooperation up, the 1999 was truly fruitful year. Along with the development of Suez Economic Zone Chinese companies started to invest in Egyptian communication market. For a long time British and French companies Vodafone and France Telecom were leaders in Middle Eastern communication sector however during 2000s Chinese company Huawei started to gain the shares in this market. It was attractive for consumers because of the low price and rich experience in providing Internet and mobile connection in inaccessible and underdeveloped areas, accumulated during laying communications in the western

provinces of the PRC. This allowed specialists to solve problems on realization of telecommunication projects, installation of 2G and 3G equipment and wireless Internet in deserted regions far from the major megacities that especially relevant for countries such as Egypt. During Mubarak era Chinese companies started to invest in Egyptian automotive industry as well. In 2006 Chery Automobile together with Egyptian Aboul Fotouh Group started to produce Chery car with the trade mark Speranza. As part of the upgrade of the Cairo taxi park, the Egyptian government since 2009 began a massive replacement of the old cars for cars Speranza. By that time Egypt became one of the largest recipients of foreign direct investment from China in Africa and Middle East. Egypt was one of five African countries where China participated in free economic zones developing. In 2000s many Chinese companies invested in Egyptian textile industry and production of fertilizers. The largest investment project of China in Egypt was drilling company Sino-Tharwa (Sino-Tharwa Drilling Company), a joint venture organized by the largest state oil corporation Sinopec and Egyptian state Tharwa Petroleum Company. Based on the foregoing, we can conclude that during the reign of Mubarak, Egypt and China reached an unprecedented level of cooperation in the economic sphere and Egypt became one of the main objects of Chinese investment in the Middle East [11. P. 92].

In political sphere Egypt acted as one of the initiators of the establishment of the Forum on Sino-Arab cooperation in 2004. At the end of January President Hu Jintao proposed Mubarak to pay a state visit to Egypt and received a warm reception. He held in-depth talks with Mubarak on bilateral relations, the situation in the Middle East and the international situation, and reached broad consensus. During the visit, he went to the headquarters of the League of Arab States (Arab League), and met with the Arab League Secretary General Amr Moussa.

On the same day, the Chinese Foreign Minister issued a communiqué with the Secretary-General of the Arab League to announce the establishment of the China-Arab Cooperation Forum. This visit not only made new contributions to the further development of Sino-Egyptian relations, but also marked a new stage of milestone significance between China and the Arab League.

In October 2006, the Xinhua News Agency cited Hosni Mubarak's statement: "Egypt does not consider China just a friendly country, it sees him as a brother" [1]. Thus, Egypt began to acquire the characteristics of a Chinese outpost in cooperation with Africa and the Arab world.

Turning now to the question of cooperation forms, China's investors prefer to make bilateral agreements with the government to bypass market forces of tender and competition. China is acting through state-owned enterprises such as CNOOC, PetroChina and ICBC. In April 2004, the Ministry of Commerce authorized CNOOC-SINOPEC United International Trading to import crude oil; CNPC, Sinopec, Sinochem and Zhuhai Zhenrong had been the only companies importing crude [10].

China's non-economical tools represented by generating strategies, conceptions, image, which are called 'soft power'. The most significant China's conception might be represented by quote from majority of Party leader's speeches like

“China is a developing country, all developing countries unite! We help you develop out of rules generated by Washington consensus world”. For all intents and purposes, it is a very valid method, from the beginning China makes an opposite to Western countries, metropolises in the past.

China’s leaders underline every time they don’t have any political interest in the country, against intervention and respect ruling structure and nation rights. China easily accommodates to the expectations and preferences of ruling elites, provides money and support either for international or internal needs. China is known to be an attractive partner even more than USA. China is ready to overpay 20–30% for guarantee keeping positions [4].

Occasionally, China suffered from drought in January, 2011. These circumstances forced China to buy wheat in the international market, meanwhile Egypt was the major wheat supplier. But Egypt was in crisis provoked by Arab Spring and China did not consider it as a stable partner at that time. By that time China was a trigger of the Arab Spring crisis in Egypt’s economy [2]. Subsequent events in the Middle East showed that China suffered losses of its investment projects and most probably changed the priorities in the Middle East from Egypt to Gulf countries. As a result Egyptian economy suffered losses as well and until the Egyptian government is able to prove the stability of its regime Chinese companies are unlikely to return to the Egyptian market. If we talk about political cooperation Mubarak era was the period of stability and predictability in Egypt which contributed to developing long-term relations with such strategic partners as China. And it will take a long time for a new government to prove their ability to recover the trust and loyalty of Chinese partners.

Conclusion. Historical points of China-Egypt relations demonstrate the mutual interests of both sides. Taking into consideration Chinese interest, Egypt was a strategic aim, which could be characterized as “window for Chinese economic and political influence in the MENA region”. For Egypt, China became a tool of independence from the West and an important commercial partner, which would help with economic development in Egypt. The world trade community always considered China as a place of big opportunities to import in obvious circumstances of population. Sino-Egyptian relations have a long history and are stable, Mubarak contributed to this stability in a very fruitful way.

Mubarak said about China: “Every time I came to China, I received a sincere and friendly reception, which reflects the very good relationship between us and the continuous development” [9]. The end of the Mubarak era, brought with the Arab Spring, became a crisis for China’s economic and political strategy of cooperation with Egypt. Therefore, the authors pretend to consider the Mubarak – China relations period in whole as a historical stage.

REFERENCES

- [1] An Huihou. ZhongAi Shounao Waijiaode chenggongdianfan cong Mubalake Zongtong diqici Fanghua Tanqi [Successful model of China-Egypt Cooperation after Mubarak's 7th visit to China]. [In Chinese]. URL: <http://www.ixueshu.com/document/a1cdebe596257df1.html>
- [2] Assem Reda Abu Hatab, Nada Abdelhamed, Shoumann Huo Xuexi. Exploring Egypt-China bilateral trade: dynamics and prospects. *Journal of Economic Studies*. 2012. Vol. 39. Iss. 3. Pp. 314–326.
- [3] Assem Reda Abu Hatab, Romstad Eirik. Competitiveness analysis of Egyptian cotton exports with special focus on the Chinese market. *China Agricultural Economic Review*. 2014. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 248–263.
- [4] Brandt Loren, Rawski G. Thomas. *China's Great Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [5] Bräutigam Deborah, Tang Xiaoyang. African Shenzhen: China's special economic zones in Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 2011. Vol. 49. Pp. 27–54.
- [6] Elshamy Hany. The economic determinants of Chinese foreign direct investment in Egypt. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*. 2015. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 20–26.
- [7] Gadallah Yasser M. An Analysis of the Evolution of Sino-Egyptian Economic Relations. In book: *Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East Following the Arab Spring*. Ed. by Horesh N. London: Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 94–115.
- [8] Law № 83 of 2002 on Economic Zones of a Special Nature // Official Web Site of the Suez Canal Authority. URL: http://hrlibrary.umn.edu/research/Egypt/Special%20Economic%20Zones%20Law%20No_%2083%20of%202002.pdf.
- [9] Mubarak and China. Embassy of the People's Republic of China in the Arab Republic of Egypt (Official web-site). URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceegy/chn/ajgk/333333/>.
- [10] Zhongguo dui Alabozhichunde huiying yuelaiyue chengshu [China's reaction on Arab Spring]. [In Chinese]. *Qingniancankao*, April 2012, http://qnck.cyol.com/html/2012-04/11/nw.D110000qnck_20120411_2-02.htm.
- [11] Bazanova E. Osnovnye etapy sotrudnichestva KNR s arabskimi stranami Blizhnego Vostoka v 1980–2010 gg. [Main Stages of Cooperation between China and the Arab States of the Middle East in 1980-2010]. [In Russian]. *Bulletin of Peoples' friendship University of Russia. Series World History*. 2011. № 4. P. 84–93.
- [12] Bazanova E. Strategiya myagkoi sily KNR po sotrudnichestvu s arabskimi stranami Blizhnego Vostoka v oblasti obrazovaniya 1990–2010 gg. [China's Soft Power Strategy in the Cooperation with Arab Countries of Middle East in Educational Field in 1990–2010]. [In Russian]. *Vestnik MGOU. Seria Istoriya i Politicheskie nauki*. 2011. № 2. P. 85–90.

КИТАЙСКО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ МУБАРАКА (1981–2011)

Е.А. Базанова, А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Е.И. Семенова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Малая Ордынка ул., 17, стр. 1, Москва, Россия, 119017

Цель статьи – исследовать основные особенности китайско-египетских отношений в период правления Хосни Мубарака в Египте с тем, чтобы определить характер этих отношений и взаимное влияние рассматриваемых стран.

Данный период имеет большое значение с точки зрения развития партнерства и взаимодействия двух стран на мировой арене. Хосни Мубарак пребывал у власти в течение 30 лет. Он пришел к власти в 1981 г., в то же время, когда Дэн Сяопин провозгласил политику «открытых дверей» в Китае. Мубарак выстроил дружественные отношения с Китаем тогда, когда весь мир настороженно наблюдал за подъемом Китая как нового игрока на мировой арене с огромным потенциалом. В 90-е гг. Китай стал нетто-экспортером нефти в связи с растущими потребностями, связанными с экономическим ростом. Отношения между двумя странами развивались в разных сферах и подверглись различным испытаниям. В частности, одним из вызовов стало состязание между США и Китаем за влияние на Египет и регион Ближнего Востока в целом.

Обсуждая влияние Китая и Египта на страны «третьего мира», следует отметить, что обе эти страны представляют собой пример успешного развития по своему уникальному пути. В связи с этим экономисты и политологи часто упоминают «китайский» и «египетский» путь развития в современном мире. Таким образом, сотрудничество Китая и Египта представляет интерес и в этом аспекте, как сотрудничество двух стран с разными политическими и экономическими системами.

С началом «Арабской весны» эра Мубарака в Египте подошла к концу. Это вызвало кризис китайской стратегии экономического и политического сотрудничества с Египтом. Несмотря на это, авторы склонны считать эру Мубарака важным этапом в китайско-египетских отношениях.

Ключевые слова: китайско-египетские отношения, экономическое и политическое сотрудничество, эпоха Мубарака, «Арабская весна»

Информация об авторах / Information about the authors

Базанова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail:* ealeenab@gmail.com

Куделин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: andkudelin@mail.ru

Семенова Елизавета Иссаевна – тьютор Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». *E-mail*: elissemenova@gmail.com

Elena Bazanova – PhD in History, Lecturer of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. *E-mail*: ealeenab@gmail.com

Andrey Kudelin – PhD in History, Senior Lecturer of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. *E-mail*: andkudelin@mail.ru

Elisaveta Semenova – Lecturer of School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics. *E-mail*: elissemenova@gmail.com

Для цитирования / For citations

Базанова Е.А., Куделин А.А., Семенова Е.И. Китайско-египетские отношения в эпоху Мубарака (1981–2011) / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 70–78. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-70-78.

Bazanova E.A., Kudelin A.A., Semenova E.I. China – Egypt bilateral relations under Mubarak (1981–2011) / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 70–78. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-70-78.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 07.09.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-79-85

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МАНЬЧЖУРСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ И ТИБЕТСКИХ ЛАМ

Б.У. Китинов, Лю Цян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению ранних связей маньчжурских правителей с высшим руководством тибетского буддизма. Вероятно, отсчет следует вести с 1620-х гг., когда маньчжуры усилили свое взаимодействие с монгольскими народами (чахарами), у которых тибетские ламы уже имели крепкие позиции. Дальнейшему развитию буддизма у маньчжуров способствовали важные политические события: приход Далай-ламы к власти в Тибете в 1642 г. и захват новой династией Цин Пекина в 1644 г. Для новых правителей Китая ламы имели принципиальное значение, т.к. благодаря их поддержке маньчжуры получили право претендовать на преемственность к правлению («мандат Неба») от монгольской династии Юань и вместе с тем получили возможность «умиротворять» монголов. Видимо, после посещения Далай-ламой Пекина в 1652 г. начался новый этап взаимоотношений между императорами и ламами, что приведет цинский Китай к столкновениям с ойратами-джунгарами.

Ключевые слова: лама, династия Цин, маньчжуры, тибетский буддизм, ойраты

Введение. Один из первых важных контактов между маньчжурами, с одной стороны, и тибетскими ламами, с другой, случился около 1621 г., когда маньчжурский правитель Нурхаци (правил в 1616–1626) стал последователем учения тибетского буддизма школы Сакья, объявив своего ламу Олуг Дархан Нанцо Правителем дхармы в своем государстве [7. Р. 51]. Этот лама прибыл от монголов-чахаров – ближайших западных соседей маньчжуров; позже, после разгрома в 1634 г. хана Лигдана, правителя чахаров, в руки нового маньчжурского правителя Абахая (правил в 1626–1643) попадет и статуя Махакалы – одного из гневных божеств тибетского буддизма, которую он поместил во вновь построенном специальном храме в Мукдене. Таким образом, налаживанием и укреплением связей с Тибетом маньчжуры подчеркивали свое преемственность, прежде всего, с монгольской династией Юань, при которой учение школы Сакья имело государственную поддержку, а также выражали поддержку распространению разных форм тибетского буддизма. Подобного рода подход к буддизму окажет значительное влияние на новую державу ко-

чевников-маньчжуров в учреждении своей династии на троне Поднебесной империи.

Следующая важная встреча тибетских лам с маньчжурскими верхами имела место в 1640 г., т.е. еще до того, как в Тибете и Китае придут к власти новые правители – Далай-лама в 1642 г. и маньчжурская династия Цин в 1644 г. Речь идет о делегации, отправленной от тибетских лидеров, скорее всего, весной или летом 1640 г. в Мукден. В ее составе находились посланники от различных тибетских религиозных традиций, охраняли делегацию западные монголы – ойраты [1. С. 99]. Им понадобилось почти три года, чтобы добраться до столицы маньчжуров. Абахай встретил послов за пределами дворца, лично ввел в зал для приема лидера делегации – Илагуксан хутухту, и стоя принял письма. В своих ответных посланиях он выказал глубокое уважение к учению Будды: так, в письме к Далай-ламе он отметил, что «нынешний лама имеет сердце освобождения всех существ и желает превозносить религию Будды», а лидерам красношапочного буддизма написал: «Мы думаем, что со времени, когда древние императоры и короли установили свое владычество, религия Будды длилась без перерыва. Сейчас мы чрезвычайно почитаем могущественных мудрецов, что желают быть подмогой всем живым существам» [10. С. 9–10] (1).

Надо отметить, что чуть ранее, около 1639 г., Абахай уже направлял в Лхасу Чахан (Цаган)-ламу с подарками «хану тибетцев» и «Великому ламе – главе буддийской сангхи», а также с приглашением высшего священника прибыть в Мукден [11. С. 218]. Скорее всего, это стало возможным ввиду обращения с подобной просьбой к нему как лам, находившихся при маньчжурском дворе, так и монгольских правителей, после разгрома Лигдана в 1634 г. все более ориентировавшихся на Мукден. Что касается делегации от тибетцев, то здесь, скорее всего, свою роль сыграли ойраты-хошуты и лично хошутский хан Гуши, тоже, вероятно, с пониманием относившийся к возраставшей мощи кочевников-маньчжуров.

Исследование проблемы. Для маньчжурских правителей, еще не овладевших тронem императоров Поднебесной, было очень важно установить прочные отношения с тибетскими ламами. Как отмечал А.С. Мартынов: «можно сказать, что маньчжурско-тибетские отношения начались, безусловно, как отношения в системе «Срединная империя – периферия», что на первых порах они не были даже политическими, они были вызваны желанием императора заполучить знаменитых лам из Тибета и попутно утвердиться в своем новом статусе универсального монарха в глазах народов этих далеких земель» [4. С. 87]. Вероятно, покровительство буддизму должно было сыграть свою роль и укреплении их взаимоотношений с монголами, которые глубоко почитали тибетских священников.

Гораздо далее своих предшественников смог развить отношения с ламами император Фулинь (также известный как Шунь-чжи, правил в 1644–1662 гг.). Он, прежде всего, прославился после того, как при нем в Мукдене в 1645 г. за-

кончилась постройка храмового комплекса, посвященного Махакале; теперь стало четыре больших храма: Rnam par snang ba'i lha khang, Thugs rje chen po'i lha khang, Tshe drag med mgon gyi lha khang и Dus kyi 'khor lo'i lha khang [7. Р. 53]. Период его правления ознаменовался и таким важным событием, как визит Далай-ламы в Пекин в 1652 г.

Надо отметить, что ламы традиционно приглашались ко двору маньчжуров, еще со времен Нурхаци. Далай-ламе неоднократно отправлялись приглашения, повлиять на тибетского лидера посетить пекинский двор просили и других известных лам. В частности, вот что писал в своем письме к Панчену-ламе император Шунь-чжи в 1651 г.:

«Приветствия Живому Будде Панчену. Я думаю, что с Вами все хорошо. У меня тоже все в порядке. Я жду с нетерпением встречи с Далай-ламой в начале осени года Дракона во благо всех живых существ. Послы уже направлены, чтобы передать ему мое сердечное приглашение. Я надеюсь, что Вы поторопите Далай-ламу не откладывать с выездом. Наши послы: Тобзан Гуши, Дорджи Дархан нойон, Цаган гелонг, гелонг Шераб и гелонг Хашдуб, а также, дополнительно, Цериг. Я дарю Вам золотой сосуд для чайных листьев, золотой поднос, 100 лян золота, 2000 лян серебра и 100 рулонов сатина. Второй день четвертого месяца восьмого года Шунь-чжи» [6. Р. 34–35].

Состоявшийся в 1652–1653 гг. визит Далай-ламы в Пекин и его встреча с императором получили достаточное освещение в научной литературе [3; 5; 9].

К наиболее важным результатам следует отнести заключение отношений особого уровня, обычно именуемых как «чой-йон» (духовный наставник – светский покровитель). Каждая сторона усилила также и инструментарий для проведения внешней политики: для маньчжуров встреча и церемонии были важны в глазах монголов, также присутствовавших на этих мероприятиях, для Далай-ламы это означало обретение нового покровителя и, как следствие, усиление позиций буддизма вообще и школы Гелукпа в частности на всем пространстве Центральной Азии. Значение Далай-ламы, с описанием его титулов, было вновь подчеркнуто императором в его письме в 1657 г.:

«Его Высочество Император направляет этот Декрет Далай-ламе, Всеведущему, Джинган Будде Великого Доброжелательства и Упокоения Западного рая, Который Правит Всеми Буддийскими Течениями. Милостью Неба, мы пребываем в миру во всей империи. Мне приятно знать, что Вы, Далай-лама, в добром здравии. Несмотря на разделяющую нас большую дистанцию, я крайне рад слышать об этом. Я посылаю ламу Шераба и гелонга Самтена со своими приветствиями. Двадцать четвертый день шестого месяца четырнадцатого года Шунь-чжи» [6. Р. 35].

Заключение. Покровительство Цинами религии буддизма имело не только практические, прогосударственные интересы. Благодаря такому патронированию буддизм получил благоприятные возможности для своего распространения и укрепления своих позиций среди монголоязычных народов. Новая династия поддерживала издание буддийских трудов, прежде всего, среди

восточных монголов. Что касается конкретных направлений, то наибольшую поддержку получила школа, к которой принадлежал Далай-лама – Гелук. Вероятно, этому выбору способствовало то обстоятельство, что Далай-лама находился на вершине тибетской иерархической лестницы и возглавил Тибет еще до подчинения Китая маньчжурской династией. Кроме того, свою роль могло сыграть и такое обстоятельство, что ее поддерживали ойраты – наиболее могущественное объединение монголов (западные монголы), не стремившиеся к получению цинского подданства, более того – угрожавших ее правлению.

Вместе с тем у цинских правителей были и свои сложности ввиду принятия ими буддизма как своей религии. Прежде всего, это было связано с традициями конфуцианского правления, присущими Китаю едва ли не с периода Чуньцю – Борющихся государств. Как писал Б.У. Китинов: «учение Будды в известной мере противоречило конфуцианским нормам этики и поведения (культ семьи, императора) и даосским методикам духовного оздоровления (в целях реализации потенциала бессмертия). Уникальность буддизма состояла, в частности, в разработке теории воздаяния (закон кармы) и учении о достижении запредельного состояния (нирваны)» [2. С. 104]. Вместе с тем учение Будды превратилось в действенное орудие взаимодействия Китая с периферией. В.Л. Успенский даже допускает такую возможность: возвращение торгутов (калмыков) из России в Китай в 1771 г. стало возможным во многом благодаря широкой поддержке Цинами тибетского буддизма [5. С. 179].

Надо отметить, что с самого раннего этапа истории маньчжурской династии Цин ее императоры показывали свою заинтересованность в поддержке различных форм тибетского буддизма. Свою роль сыграло и обстоятельство образа жизни – будучи кочевниками, они выступали и в поддержку традиционного образа жизни номадов, т.е. избегали синизации. Вероятно, покровительство маньчжурами тибетского буддизма и лам можно, в пределах периода, изучаемого в статье, разделить на два периода: первый – до захвата власти в Китае (до 1644 г.), и второй – до визита Далай-ламы (в 1652 г.). Первый можно охарактеризовать как взаимодействие в пределах формулировки «чой-йон», т.е. как равных по положению, но с выделением духовного наставничества лам; второй – как также равных по значению, но с акцентом на возможности светского покровительства. После 1652 г. взаимодействие цинских императоров и тибетских лам пойдет по особенному пути, причем в таком ее развитии свою немаловажную роль сыграют западные монголы – ойраты, в лице джунгаров.

© Китинов Б.У., Лю Цян, 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Несколько иной перевод и более полный текст писем дан А.С. Мартыновым. См.: [4. С. 84-85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Китинов Б.У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов. М., 2004.
- [2] *Китинов Б.У.* Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса государства // Мир и политика. 2011. № 10.
- [3] *Люлина А.Г.* Этический аспект взаимоотношений между Далай-ламой V и императором Шуньчжи на примере их встречи в Пекине в 1652 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1.
- [4] *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.
- [5] *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.
- [6] A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing, 1995.
- [7] *Grupper S.M.* Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // Journal of the Tibet Society. 1984. № 4.
- [8] *Hevia J.L.* Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // The Journal of the International Association of Buddhist Studies, 1993. Vol. 16. № 2.
- [9] *Elverskog J.* Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2006.
- [10] *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908. Dharamsala, 1998.
- [11] Юань илай сицзан дифан юй чжунъян чжэнфу гуаньси данъань шиляо хуйбянь (Собрание архивных документов и материалов по истории взаимоотношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времени правления династии Юань). Пекин, 1994.

REFERENCES

- [1] Kitinov B.U. Svyashchenny Tibet i voinstvennaya step': buddizm u oyratov [The Sacred Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism Among Oirats]. M., 2004.
- [2] Kitinov B.U. Kitay: religiozno-dukhovnyy diskurs tsivilizatsionnogo resursa gosudarstva [China: The Religious and Spiritual Discourse of the Civilization Resource of the State] // Mir i politika [World and Politics]. 2011. № 10.
- [3] Lyulina A.G. Eticheskyy aspekt vzaimootnosheniy mezhdudalay-lamoy V i imperatorom Shun'chzhi na primere ikh vstrechi v Pekine v 1652 g. [The Ethical Aspect of the Relationship Between Dalai Lama V and Emperor Shunzhi on the Example of Their Meeting in Beijing in 1652] // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences]. 2016. № 1.
- [4] Martynov A.S. Status Tibeta v XVII–XVIII vekakh v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy [The status of Tibet in the XVII–XVIII Centuries in the Traditional Chinese System of Political Views]. M., 1978.
- [5] Uspenskiy V.L. Tibetskiy buddizm v Pekine [The Tibetan Buddhism in Beijing]. SPb., 2011.
- [6] A Collection of Historical Archives of Tibet. Beijing, 1995.
- [7] Grupper S.M. Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // Journal of the Tibet Society. 1984. № 4.

- [8] Hevia J.L. *Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies* // *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 1993. Vol. 16. № 2.
- [9] Elverskog J. *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. University of Hawai'i Press, 2006.
- [10] Rockhill W.W. *The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908*. Dharamsala, 1998.
- [11] *Sobraniye arkhivnykh dokumentov i materialov po istorii vzaimootnosheniy mezhdru mestnymi vlastyami Tibeta i Tsentral'nym pravitel'stvom Kitaya so vremeni pravleniya dinastii Yuan'* [The Collection of archival documents and materials on the history of relations between the local authorities of Tibet and the Central Government of China since the reign of the Yuan dynasty]. Beijing, 1994 (in Chinese).

ON THE ISSUE OF THE EARLY INTERACTIONS OF THE MANCHU RULERS WITH TIBETAN LAMAS

B.U. Kitinov, Liu Qiang

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The article is devoted to the study of the early connections of the Manchu rulers with the highest leadership of Tibetan Buddhism. Probably, the countdown should be conducted from the 1620s, when the Manchus intensified their interaction with the Mongolian peoples (Chakhars), where the Tibetan lamas already had strong positions. Further development of Buddhism among the Manchus happened due to the important political events: the coming of the Dalai Lama to power in Tibet in 1642, and the seizure of Beijing by a new Qing dynasty in 1644. For the new rulers of China, lamas had been of the fundamental importance, because, thanks to their support, the Manchus have had the right to claim succession of the government (the “mandate of Heaven”) from the Mongol Yuan dynasty, and at the same time, they were able to “appease” the Mongols. Apparently, after a visit to Beijing by the Dalai Lama in 1652, a new phase of the relationship between emperors and lamas began, which brought the Qing China to clashes with the Dzhungar Oirats.

Keywords: Lama, Qing dynasty, Manchus, Tibetan Buddhism, Oirats

Информация об авторах / Information about the authors

Баатр Китинов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail:* kitinov@mail.ru

Лю Цян – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail:* triumph117@rambler.ru

Baatr Kitinov – PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia. *E-mail*: kitinov@mail.ru

Liu Qiang – postgraduate student, The Department of World History Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia. *E-mail*: triumph117@rambler.ru

Для цитирования / For citations

Китинов Б.У., Лю Цян. К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 79–85. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-79-85.

Kitinov B.U., Qiang Liu. On the issue of the early interactions of the Manchu rulers with Tibetan lamas / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 79–85. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-79-85.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.10.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-86-96

ХРИСТИАНЕ И ИУДЕИ В АДМИНИСТРАЦИИ АХМАД-ПАШИ АЛЬ-ДЖАЗЗАРА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Р.И. Касумов

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

Настоящая статья посвящена определению роли и места представителей немусульманских общин сиро-палестинского региона в административной системе территорий, подконтрольных самому могущественному сирийскому провинциальному правителю второй половины XVIII – начала XIX в. Ахмад-паше аль-Джаззару на позднем этапе его пребывания у власти. Предпринята попытка выделить основные особенности положения немусульманских административных служащих Османской Сирии.

Ключевые слова: Османская империя, Османская Сирия, зиммии, христиане, иудеи, Ахмад-паша аль-Джаззар

Введение. На протяжении веков одной из основных характерных черт системы управления в Османской империи являлось проведение политики инкорпорирования многочисленных немусульманских жителей подвластных Стамбулу земель в общественно-политическую иерархию государства. Эта особенность выражалась, помимо всего прочего, в том, что османские власти, продолжая сложившуюся в предшествующие столетия на Ближнем Востоке традицию, активно привлекали иноверцев к работе в системе провинциального административного управления. Данная практика было распространена не только в центральных областях империи, но и в ее арабских провинциях, в том числе и в сиро-палестинском регионе.

Вместе с тем в течение более чем двух столетий с момента включения Сирии в состав османского государства в 1516 г. доступ к наиболее престижным должностям в хозяйственно-административной сфере оставался закрытым для сирийских иноверцев. Такое положение дел было связано, в первую очередь, с неполноправным статусом немусульман (1) в системе межконфессиональных отношений во всей Османской империи. Однако во второй половине XVIII столетия, по мере того, как в провинциях государства к власти все чаще стали приходиться могущественные «правители-долгожители» [см.: 3.

С. 20; 5. С. 154–171], эта ситуация начала резко меняться. Стремясь к большей самостоятельности от центрального османского правительства, они всячески пытались нивелировать власть присылавшихся из Стамбула *дефтердаров* – государственных чиновников-финансистов, контролировавших в предшествующий период всю хозяйственную и налоговую жизнь сирийских провинций и независимых от руководителей местных административных аппаратов. При этом на место дефтердаров провинциальные властители ставили именно немусульман, представлявших собой наиболее бесправную прослойку сирийского общества и полностью подконтрольных своим сирийским господам. В результате зиммии все чаще получали доступ к ключевым должностям в хозяйственно-административном аппарате сирийских *эйалетов* (2). Наиболее ярко данная тенденция проявлялась на территориях, подвластных сайдскому вали (см. примечание 1) Ахмад-паше аль-Джаззару (1775–1804), самому могущественному сирийскому провинциальному правителю конца XVIII – начала XIX в.

Исследование проблемы. Сирийские источники рассматриваемого периода сообщают о многочисленных немусульманских делопроизводителях, занимавших высокие должности при дворе сайдского вали. Однако всех этих зиммиев объединяет одна характерная черта: крайняя нестабильность их положения. Наиболее длительное время в аппарате Ахмад-паши аль-Джаззара удалось продержаться православным христианам братьям Михаилу и Бутрусу ас-Сакрудж, которых сайдский вали приблизил к себе еще в первые годы своего правления. Контролировавшие все финансовые дела аль-Джаззара братья ас-Сакрудж раз за разом становились жертвами жестокости и алчности Ахмад-паши [7. С. 93]. Чреда вымогательств продолжалась до 1787 г., когда правитель Акки бросил своих финансистов в тюрьму и конфисковал все их имущество [10. С. 88–90]. После этого Ахмад-паша сменил целый ряд делопроизводителей-христиан.

Сперва должности Михаила и Бутруса перешли к марониту *муаллиму* (3) Йусуфу Маруну, которого аль-Джаззар назначил *хазнадаром*, главным управляющим казной, и униату муаллиму Ибрахиму Абу Каллушу, которому паша поверил управление своим имуществом. Изначально эти служащие являлись *мультазимами* (4) при аль-Джаззаре, при этом оба стремились занять место Сакруджей. Добившись желаемого, Марун и Абу Каллуш стали соперничать между собой и, как сообщает Хайдар аш-Шихаби, постоянно интриговали друг против друга. Первым кратковременную победу удалось одержать Йусуфу Маруну, по наущению которого аль-Джаззар посадил в тюрьму Абу Каллуша. Однако вскоре тому удалось выйти на свободу и сполна отомстить своему обидчику: по приказу паши Маруна арестовали, подвергли пыткам и конфисковали все его имущество. Сам же он провел остаток своей жизни в тюрьме [10. С. 89–90]. Новым хазнадаром был назначен униат Ильяс ибн Ибрахим Аддо, который также недолго прослужил на этой должности. Будучи человеком умным, он прекрасно понимал, что его может ожидать на службе у «па-

ши-мясника» (5). В 1788 г. Ильяс, воспользовавшись во время своей поездки в Бейрут благоприятным моментом, бежал со своей семьей в Джебель ад-Дуруз (область в Хауране). После этого должность казначея перешла к другому христианину Йусуфу аль-Карадахи. Однако и он, зная, что случилось с его предшественниками, абсолютно не горел желанием служить аль-Джаззару и вскоре после своего назначения тайно покинул Сирию и отправился с семьей в Европу [10. С. 90–91].

Ибрахим Абу Каллуш также недолго оставался на службе у аль-Джаззара. В 1789 г. он принял участие в мятеже мамлюков Ахмад-паши и заключил союз с одним из его предводителей – Сулейман-пашой. Узнав об этом, аль-Джаззар приказал казнить брата Ибрахима – Сулеймана Абу Каллуша [10. С. 93–95]. После подавления бунта сам Ибрахим, спасаясь от гнева своего бывшего господина, укрылся на территории Дамасского пашалыка, где ему предоставили убежище вожди племени Ауляд Муса аль-Ханна [7. С. 99; 10. С. 99–101].

Однако мстительный аль-Джаззар не переставал строить планы расправы над бывшим подчиненным. В 1790 г., после того как он занял пост правителя Дамаска, вожди племени аль-Ханна по его приказу убили Ибрахима Абу Каллуша. По версии Михаила Мишаки, перед тем, как сделать это, нападавшие предложили Ибрахиму сделать выбор: принять ислам и остаться в живых либо сохранить свою веру и умереть. Абу Каллуш выбрал второе [7. С. 99–100].

После того, как часть христианских чиновников покинула аль-Джаззара, а другая часть была им же устранена, в Сайдском эйалете возникла проблема с отбором способных администраторов. Многие боялись работать на правителя Акки. В этой ситуации Ахмад-паша был вынужден выпустить на свободу и вернуть на их прежние должности Михаила и Бутруса ас-Сакрудж [10. С. 95]. Пять лет прослужили эти православные христиане сайдскому правителю, пока в 1795 г. он вновь не разгневался на них и приказал казнить [10. С. 101]. Как сообщает дамасский хронист, аль-Джаззар обвинил Сакруджей в коррупции, после чего приказал задушить их и выбросить тела в море. «Каждый, кто верой и правдой служил ему, уходил в небытие», – заключает в связи с этим анонимный автор «Хроники сирийских и ливанских событий» [9. С. 103].

Во многом это обобщение верно и для православного шейха Йунуса Никулы, еще одного приближенного Ахмад-паши аль-Джаззара, занимавшего в 80-е годы XVIII в. должность начальника бейрутской таможни. О деятельности этого делопроизводителя подробно рассказывается в бейрутской летописи «Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута» [4. С. 73–89].

Как и многим другим служащим при дворе сайдского правителя, Йунусе Никуле пришлось немало претерпеть из-за переменчивости нрава и алчности Ахмад-паши. Для того, чтобы удовлетворить запросы «паши-мясника», постоянно требовавшего увеличения финансовых поступлений, Йунус Никула был вынужден делать многочисленные займы и оказывать сильное давление на бейрутских купцов. В итоге стремившийся освободиться от тяготившей

его службы при непредсказуемым сайдском правителе главный таможенный откупщик Бейрута, сославшись на свой преклонный возраст и неспособность вести дела с былым энтузиазмом, написал прошение об отставке и попросил братьев ас-Сакрудж вручить его своему господину. Паша удовлетворил просьбу Йунуса и назначил на его место другого христианина, богатого торговца, униата Фариса ад-Даххана, о котором говорится в «Краткой истории епископов», что «он был тщеславен, и его снедала ненависть к шейху Юносу» [4. С. 81] «из-за религиозных и мирских соображений» [4. С. 74].

Новый начальник таможенной службы, обложивший жителей Бейрута непомерными налогами, недолго продержался на своей должности. Вскоре аль-Джаззар, обвинив Фариса ад-Даххана в коррупции и злоупотреблении служебным положением, отправил его в тюрьму и собирался взыскать с него 1 тыс. кошельков (кошелек (*кис*) – денежная сумма в 500 пиастров). Однако бывшему таможенному откупщику удалось ограничиться лишь одной пятой этих денег, чтобы выйти на свободу. Это произошло благодаря ходатайству шейха Йунуса, опасавшегося того, что если ад-Даххан выплатит всю назначенную ему сумму, то аль-Джаззар воспримет это в качестве доказательства богатства всех христиан и наложит на них новые подати.

Но на этом история не закончилась. После своего освобождения Фарису Даххану удалось добиться у аль-Джаззара права управлять бейрутской таможней совместно с Йунусом Никулой. Однако уже вскоре между двумя христианами возникли разногласия по поводу ведения дел, в результате чего шейх Йунус предпочел отказаться от своей должности в пользу ад-Даххана. И вновь дело закончилось тем, что униат вскоре после своего назначения подвергся аресту. На этот раз причиной послужило то, что Фарис вопреки приказу аль-Джаззара поставлял зерно эмиру Горного Ливана Хайдару аш-Шихабу, восставшему против Башира II, союзника аль-Джаззара. Хотя ад-Даххану вновь удалось откупиться, должности своей он все же лишился. Управление таможней опять вернулось к шейху Йунусу и оставалось в его руках до тех пор, пока аль-Джаззар не отправил его в тюрьму по доносу Фариса ад-Даххана. За освобождение вали Сайды заставил уплатить своего подчиненного 100 кошельков. После этого эпизода Йунус Никула оставил службу и переселился в родную деревню аль-Мансурийа, где и скончался в 1789 г. На должность начальника таможенной службы Бейрута был назначен его брат Салим, которому удалось продержаться на этом посту всего лишь 2 года [4. С. 81–89].

В 1791 г. Фарис ад-Даххан вновь смог вернуть себе расположение сайдского паша, которому он пообещал собрать для казны тысячу кошельков с богатых христиан Бейрута. Заинтересованный этим заманчивым предложением Ахмад аль-Джаззар сделал Фариса главой бейрутского дивана и начальником местной таможни. Он также своим указом назначал униата ответственным за сбор вышеупомянутой суммы, запретил кому-либо «противиться тому, что он предпримет» [5. С. 164] и приказал бейрутским *айанам* (представителям

местных знатных фамилий) оказывать всяческое содействие ад-Даххану в деле сбора денег и их доставки в казну.

Вернувшись в Бейрут, Фарис незамедлительно приступил к выполнению своих служебных обязанностей. «Ад-Даххан, – пишет автор “Краткой истории епископов”, – надел великолепную шубу и торжественно прибыл к дивану. Перед ним шли музыканты... Стражники прокладывали дорогу палками, пока ад-Даххан не добрался до таможни. Он принял управление ею и занял свое место» [5. С. 164].

В первую очередь, новый начальник бейрутской таможни отправил в тюрьму Салима Никулу, обвинив того в недодаче денег казне. После этого, по свидетельству бейрутского летописца, Фарис ад-Даххан, стремясь выполнить обещание, данное им Ахмад-паше аль-Джаззару, развернул в городе настоящий террор против местных христиан. По приказу главы бейрутского дивана были арестованы члены многих богатых христианских семей Бейрута, в первую очередь православных, которых вскоре подвергли жестоким публичным пыткам.

В дальнейшем вымогательства, аресты и пытки распространились и на представителей других христианских общин Бейрута. «Сераль (в данном случае – дворец. – *Р.К.*), тюрьмы и камеры уже не могли вместить заключенных» [5. С. 169], – констатирует летописец. Фарис ад-Даххан, понимая, что залогом прочности его позиций в городе являлись постоянные выплаты Ахмад-паше аль-Джаззару, не жалел никаких средств, чтобы собрать с христиан как можно больше денег. Целый год христиане Бейрута страдали от его притеснений, пока, как сообщает «Краткая история епископов», «вдруг однажды, когда Фарис ад-Даххан был в диване, от визиря пришел приказ схватить его, бросить в тюрьму и взыскать с него сто кошельков» [5. С. 175]. «В соответствие с приказом, – продолжает автор летописи, – он был схвачен, брошен в тюрьму и подвергся страшным пыткам... Им было выплачено сорок пять кошельков, как вдруг распространилась новость о том, что он умер в тюрьме» [5. С. 175].

К истории, рассказанной бейрутскими летописцами, следует относиться с большой осторожностью. Слишком очевидно стремление авторов подчеркнуть контраст между благородным, честным, великодушным и праведным православным христианином Йунусом Николой и его антагонистом – алчным, завистливым, подлым и злопамятным униатом Фарисом Дахханом. Данный факт особенно бросается в глаза, если учитывать в целом ангажированный тон повествования Бейрутской церковной летописи, относившей всех православных к числу «хороших», а униатов – к числу «плохих». В то же время приведенный выше рассказ вновь подтверждает, что даже самые верные и влиятельные подчиненные Ахмад-паши аль-Джаззара могли стать жертвами его непостоянства, подозрительности и склонности к стяжательству, не говоря уже о тех служащих, которые позволяли себе злоупотреблять вверенной им властью в угоду личным амбициям.

Судя по данным источников, постоянные кадровые перестановки в административном аппарате Ахмад-паши аль-Джаззара являлись во многом следствием особенностей характера сайдского правителя, который, как уже говорилось, не пренебрегал никакими средствами для того, чтобы обогатить свою казну за счет своих богатых христианских служащих. Однако нельзя не упомянуть еще один важный фактор, способствовавший кадровой нестабильности в аппарате вали Сайды. На протяжении всего XVIII столетия в результате активизации католической прозелитической деятельности сиропалестинский регион являлся ареной чуть ли не повсеместного противостояния приверженцев православия и сторонников унии с католической церковью. Как отмечает видный российский специалист по истории ближневосточного христианства К.А. Панченко, «не будет преувеличением сказать, что католическая духовная экспансия в Леванте и становление арабской унии стали основным содержанием культурно-политической истории христиан-сирийцев в конце XVII–XVIII вв.» [8. С. 423]. Одним из проявлений этой борьбы являлось соперничество представителей православного и униатско-католического лагерей за ведущие позиции в административном аппарате сайдского правителя, который, в свою очередь, успешно использовал это противостояние в своих личных целях.

В то же время нет никаких оснований говорить о том, что Ахмад-паша аль-Джаззар питал симпатии к той или иной христианской религиозной общине. Более того, в своей политике сайдский паша не делал различий даже между мусульманами и иноверцами. Представители всех конфессий в равной степени становились жертвами его жестокости и алчности. «Среди странных его положительных черт, – констатирует Михаил Мишака, – было одинаковое отношение ко всем своим подданным. Он равно притеснял и малых и великих, заключал в тюрьму как мусульманских *улемов* (араб., ед. число *алим*, дословно «знающий, ученый»); авторитетные знатоки исламского вероучения и мусульманского права. – Р.К.) и шейхов, так и христианских священников, друзских *'уккалей* (араб., дословно «вразумленные или посвященные»; привилегированный слой друзской общины. – Р.К.) и еврейских раввинов, между общинами которых не было вражды при нем, и подвергал варварским пыткам даже тех из них, кто не был повинен ни в каком преступлении» [7. С. 77].

С негодованием о жестокости аль-Джаззара по отношению ко всем жителям подвластных ему земель пишет и автор бейрутской летописи: «Никто не мог себя считать застрахованным от Джаззаровой бессовестности, пока не отдавал в залог детей и жену и пока сам человек не делался нищим. Ужас, побоища и разорения, которые происходили в его время, не поддаются описанию. Одно надо признать: он не причинял вреда вере и не восставал против религиозных убеждений» [4. С. 81].

Трагически сложилась судьба и другого немусульманского делопроизводителя, *саррафа* (менялы, араб.) иудея Хаима Фархи, который приобрел особое влияние на Ахмад-пашу аль-Джаззара в последние годы жизни этого прави-

теля. Михаил Мишака описывает этого служащего как крайне способного, умного и образованного администратора, который, помимо прочего, был знатоком истории и Талмуда [7. С. 95]. «Одним из умнейших людей его времени» называет этого банкира автор «Истории правления Сулейман-паши аль-Адили» [1. С. 24]. Хаим Фархи, как и остальные члены его семьи, считался одним из потомков Аарона (Аарон – старший брат Моисея и его сподвижник при освобождении евреев из египетского рабства, первый еврейский первосвященник. – *Р.К.*) и в связи с этим пользовался большим уважением среди своих единоверцев [11. Р. 79]. Официально этот ростовщик занимал пост главы казначейства. Однако именно он заведовал большей частью дел, касавшихся внутреннего управления подчиненных аль-Джаззару территорий. В частности, Хаим Фархи помогал аль-Джаззару вводить систему монополий [2. С. 112]. Несмотря на все свои заслуги, еврейскому саррафу пришлось крайне тяжело при своем господине. Сайдский правитель неоднократно заключал Хаима в тюрьму, где его подвергали жестоким пыткам. Однажды, разгневавшись на своего казначея, Ахмад-паша приказал вырвать ему ноздри, отрезать ухо и выколоть глаз. Но каждый раз «паша-мясник», помучив какое-то время своего управляющего, возвращал его на службу [7. С. 95]. Так продолжалось вплоть до смерти аль-Джаззара в 1804 г.

Заключение. Таким образом, в период правления Ахмад-паши аль-Джаззара высокого положения в провинциальной администрации подчиненных этому вали территорий смог добиться целый ряд служащих-немусульман. Некоторым из них, пользовавшимся особым расположением могущественного вали Сайды, удалось сосредоточить в своих руках не только ощутимые богатства, но и значительное политическое влияние на местном уровне. Как следует из вышеприведенных фактов, на протяжении почти всего двадцатидевятилетнего периода, в который Ахмад-паша аль-Джаззар занимал пост сайдского правителя, именно зиммии практически полностью несли ответственность за финансовые дела этой сирийской провинции, и это при том, что в процентном отношении доля христиан и иудеев вряд ли составляла более 20% от населения эйалета. В их руках находились важнейшие административные должности, такие, как заведующий казной Сайдской провинции, управляющий личным имуществом паши Сайды, должности главного сборщика налогов и начальника таможенной службы в Бейруте, одном из ключевых сирийских экономических центров. При этом нередко были случаи, когда некоторые служащие-немусульмане благодаря своим связям с сайдским правителем наделялись полномочиями, далеко выходящими за рамки сферы хозяйственно-административного управления. Кроме того, в период правления Ахмад-паши аль-Джаззара в Сайдской провинции христианам был значительно облегчен доступ в столь важную область финансово-административного управления, как система налоговых откупов. Подобная тенденция прослеживалась уже в предшествующий период, когда значительная часть территории Сайдского и Триполийского эйалетов находилась в руках Дахира аль-Умара. Формально,

согласно османскому законодательству, зиммиям запрещалось участвовать в аукционах, на которых распределялись ильтизамы [12. Р. 17]. Однако по мере того, как рушилась традиционная для османского государства система управления на местах и власть в провинциях стала концентрироваться в руках местных сильных правителей, последние все чаще стали задействовать немусульман в управлении подчиненными им территориями через систему налоговых откупов.

При всем этом, как это ярко демонстрируют многочисленные примеры построения карьеры иноверцами в администрации Ахмад-паши аль-Джаззара, было бы ошибочным считать христианских и еврейских чиновников и делопроизводителей Сирии рассматриваемого периода полноправными и независимыми субъектами политической и административной жизни сирийских провинций Османской империи. Уже сам факт исповедания этими людьми христианства или иудаизма автоматически делал их формальный статус более низким, чем статус любого представителя мусульманской общины. Это, в свою очередь, ставило служащих-немусульман в абсолютную зависимость от мусульманских властителей. Как красноречиво заключает в связи с этим К.М. Базили, зачастую «влияние этих саррафов (как и практически всех остальных немусульманских администраторов XVIII – первой трети XIX в. – Р.К.) было только влиянием раба, пресмыкающегося во прахе перед своим властелином, осужденного переносить самые грубые оскорбления от последних его слуг и действовать впотьмах» [2. С. 193].

Реальные позиции всех немусульманских чиновников, советников, казначеев и т.д. (в отличие, например, от позиций присылавшихся из Стамбула дефтердаров) не были официально закреплены. Во многом они основывались на личном отношении власть имущих мусульман к тем или иным зиммиям. История братьев ас-Сакрудж или лидера клана Фархи муаллима Хаима, так же как и карьера остальных немусульманских служащих, даже тех из них, кто действительно обладал большим политическим весом и экономическим влиянием, ярко демонстрирует, сколь нестабильным было их положение, зависевшее как от общей политической конъюнктуры, так и от прихотей, амбиций и личных интересов их хозяев.

© Касумов Р.И., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) После завоевания Сирии османы разделили регион на три провинции (*эйалета*): Дамаск, Алеппо и Триполи. В 1680 г. из прибрежных округов Дамасского и Тараблусского эйалетов была выделена четвертая провинция – Сайда (фактическая столица провинции в XVIII – начале XIX в. – Акка). Во главе эйалетов стояли назначаемые в Стамбуле правители *бейлербеи* (дословно беи беев, тур.) или *вали* (мн. ч. *вуля*;

правитель, араб.), носившие титул трехбунчужного паши. Провинции делились на более мелкие административно-территориальные единицы – *санджаки*.

- (2) Ахль аз-зимма («люди, находящиеся под покровительством», араб.) – категория населения в мусульманских государствах Средневековья и Нового времени, в которую входили все представители проживавших в них немусульманских религиозных общин. Суть концепции «ахль аз-зимма», разработанной в период арабских завоеваний в VII в., заключалась в признании ряда вероисповеданий (в первую очередь христианства и иудаизма) «родственными» исламу, что, по мнению первых исламских правителей, давало возможность заключить своеобразный «договор» с покоренным населением, относящимся к числу «людей писания» (*ахль аль-китаб*). Согласно этому «договору» зиммии получали «покровительство» со стороны завоевателей при условии соблюдения ими определенных условий, главным из которых была обязанность немусульман выплачивать специальный поголовный налог – *джизью*.
- (3) Муаллим – почетное обращение к высокопоставленным немусульманским административным служащим.
- (4) Мультазим – налоговый откупщик, держатель *ильтизама* – земельного поместья, возникшего на основе откупа при сборе налогов.
- (5) Арабское слово «джаззар» дословно означает «мясник».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Аль-Аура Ибрахим*. Тарих валайет Сулейман баша аль-Адилъ (История правления Сулейман-паши аль-Адила). Сайда, 1936.
- [2] *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007.
- [3] *Жантиев Д.Р.* Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII – начале XX века. М., 1998.
- [4] Из бейрутской церковной летописи XVI–XVIII в. Пер. Крымский А.Е. // *Древности Восточные*. Т. 3, вып. 1. М., 1907. С. 31–89.
- [5] Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута. Пер. Константинопольский И.Г. // *Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока*. М., 2013. С. 162–201.
- [6] *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991.
- [7] *Мишака М.* Машхад аль-‘ыйан би хавадис Сурийа ва Лубнан (Свидетельство очевидца событий в Сирии и Ливане). Тарих Билад аш-Шам фи-ль-карн ат-таси ашр (История Билад аш-Шама в XIX в.). Дамаск, 2006.
- [8] *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2013.
- [9] Тарих хавадис аш-Шам ва Лубнан ау тарих Михаил ад-Димашки (1192–1257 X) (История сирийских и ливанских событий или история Михаила ад-Димашки. 1782–1841 гг.). Дамаск, 1981.
- [10] *Аш-Шихаби Хайдар Ахмад*. Тарих Ахмад-баша аль-Джаззар (История Ахмад-паши аль-Джаззара). Бейрут, 1955.
- [11] *Buckingham J.S.* Travels in Palestine through the Countries of Bashan and Gilead. London, 1821.

- [12] Masters B.A. *Christians and Jews in the Ottoman Arab World: the Roots of Sectarianism*. Cambridge University Press, 2001.

REFERENCES

- [1] Al-Aura, Ibrakhim. *Tarikh valaiet Suleiman basha al-Adil* [The History of the Rule of Suleiman Pasha the Just]. Sidon, 1936.
- [2] Bazili C.M. *Siriya i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyakh* [Syria and Palestine under the Turkish Rule in Historical and Political Contexts]. Moscow, 2007.
- [3] Zhantiev D.R. *Traditsiya i modernizatsiya na Arabskom Vostoke: reformy v siriiskikh provintsiyakh Osmanskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX veka* [The Tradition and the Modernization in the Arab East: Reforms in the Syrian Provinces of the Ottoman Empire in late 18th – early 20th centuries]. Moscow, 1998.
- [4] *Iz beirutskoi tserkovnoi letopisi XVI–XVIII v.* [From a Beirut Church Chronichles of 16th–18th centuries]. Translated by *Krymskiy A.E.* *Drevnosti Vostochnyya*. V. III. Moscow, 1907. P. 31–89.
- [5] *Kratkaya istoriya episkopov, voskhodivshikh na vysokuyu arkhieieiskuyu kafedru goroda Beirut* [A Brief History of the Bishops, who Rised on the High Episcopal Chair of the City of Beirut]. Translated by *Konstantinopol'skii I.G.* *Araby-khristiane v istorii i literature Blizhnego Vostoka*. Moscow, 2013. P. 162–201.
- [6] Meyer M.S. *Osmanskaya imperiya v XVIII veke: cherty strukturnogo krizisa* [The Ottoman Empire in the 18th Century: Features of the Structural Crisis]. Moscow, 1991.
- [7] Mishaqa, Mikha'il. *Mashhad al-iyani bi-hawadith Suriyya wa Lubnan* [An Eyewitness to the Events in Syria and Lebanon]. *Tarikh Bilad al-Sham fi al-qarn al-tasia ashah* [The History of Bilad al-Sham in the 19th century]. Damascus, 2006.
- [8] Pahchenko C.A. *Blizhnevostochnoe Pravoslavie pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516–1831* [The Eastern Orthodox Church under the Ottoman Rule. The First Three Centuries. 1516–1831]. Moscow, 2013.
- [9] *Tarikh khavadis al-Sham va Lubnan au tarikh Mikha'il al-Dimashki (1192–1257 H)* [The Chronicle of the Events in Syria and Lebanon or the Chronicle of Mikha'il al-Dimashki. 1782–1841]. Damascus, 1981.
- [10] Al-Shihabi, Haydar Ahmad. *Tarikh Ahmad Basha al-Jazzar* [The History of Ahmad Pasha al-Jazzar]. Beirut, 1955.
- [11] Buckingham J.S. *Travels in Palestine through the Countries of Bashan and Gilead*. London, 1821.
- [12] Masters B.A. *Christians and Jews in the Ottoman Arab World: the Roots of Sectarianism*. Cambridge University Press, 2001.

**CHRISTIANS AND JEWS
IN THE ADMINISTRATION SYSTEM OF AHMAD-PASHA AL-JAZZAR
IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES**

R. Kasumov

Department of Near and Middle Eastern History
IAAS MSU
11 Mohovaya St., Moscow, 125009, Russia

The article concerns the analysis of the role and place of the representatives of the non-Muslim communities in the administration system of the territories controlled by Ahmad-pasha al-Jazzar, the most powerful Syrian provincial governor in the second half of the 18th – early 19th centuries, in the late period of his rule. The author makes an attempt to distinguish the main features of the position of the non-Muslim officials in the administration system of Ottoman Syria.

Keywords: Ottoman Empire, Ottoman Syria, dhimmi, Christians, Ahmad-pasha al-Jazzar

Информация об авторе / Information about the author

Касумов Руфат Ильгам Оглы – аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. *E-mail:* krufat@mail.ru

Rufat Kasumov – postgraduate student of the Department of Near and Middle Eastern History of IAAS MSU. *E-mail:* krufat@mail.ru

Для цитирования / For citations

Касумов Р.И. Христиане и иудеи в администрации Ахмад-паши аль-Джаззара в конце XVIII – начале XIX в. / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 86–96. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-86-96.

Kasumov R.I. Christians and Jews in the administration system of Ahmad-Pasha Al-Jazzar in the late XVIII – early XIX centuries / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 86–96. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-86-96.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 27.09.2017

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-97-102

ОКТАБРЬ 1917: РУССКИЙ ПРОЕКТ

С.А. Воронин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Для того чтобы понять значение, роль и место Великой Октябрьской революции в российском цивилизационном проекте, следует, прежде всего, ответить на главный вопрос: «Почему события Октября 1917 года так ненавидят на Западе?». К Февралю отношение совсем иное.

Ответ на этот вопрос довольно прост. Октябрь так ненавистен западным геополитикам лишь по той причине, что большевики не позволили Западу уничтожить российское государство, а на обломках Российской империи к 1922 году вновь осуществили монтаж российской государственности в виде проекта СССР.

В год празднования 100-летия Октябрьской революции возникло довольно много рассуждений на тему выяснения объективных и субъективных предпосылок и причин Октября. Эксперты, историки ломают копья, обсуждая вопрос о том, были ли внутренние назревшие противоречия социально-экономического и политического плана в монархии Романовых, приведшие к обрушению российского трона и отречению Николая II, либо все дело в заговоре западных держав, инспирировавших перевороты в Феврале и Октябре 1917 г.

Думаю, что в рассуждениях на эту тему следует придерживаться научной методологии, то есть стараться быть предельно объективным, рассматривая как объективные, так и субъективные причины, подтолкнувшие Россию к гибели в 1917 г. Как писал В.В. Розанов: «Русь слиняла в два дня».

Так можно ли в этой связи сводить события 1917 года лишь к конспирологии и винить во всем Запад, страстно желавший обрушения российской государственности? Как известно, к полному краху могли привести лишь глубоко вызревавшие противоречия внутри российского общества, которыми определенные силы на Западе лишь воспользовались, следуя указаниям Ф. Ницше: «Падающего подтолкни».

Итак, о причинах. Революции не происходят случайно или без повода. Стихийно возникают лишь бунты. Попробуем понять истоки событий 1917 года.

К Октябрю Россия начала движение еще во времена Петра I. Безусловно, заслуги Петра весьма велики, и о значении его внешнеполитических завоеваниях бессмысленно, да и не нужно спорить. Однако во внутренней политике

дела обстояли совсем иначе. Главный удар Петр I нанес по русскому традиционному укладу и ценностям российского общества и государственности, сформировавшимся во времена Ивана III, когда изумленная Европа увидела новое и мощное государство на своих восточных границах.

Внедряя западный образ жизни, Петр I недвусмысленно и откровенно смеялся над тем, что было свято для русского человека. Царь лично принимал участие в казнях (а помазанник Божий должен не казнить, а миловать), разъезжал по Немецкой слободе с любовницей Анной Монс, учредил народный Всешутейший и Всепьянейший Собор.

Появление российских либералов в XIX в., смотрящих на Запад и оценивающих свое Отечество словами Смердякова: «Я всю Россию целиком ненавижу», – это прямое следствие вестернизации жизни в России, привнесенной Петром I.

Либералами, а не консерваторами-государственниками, становились многие российские монархи. Александр II Освободитель провел крестьянскую реформу, приведшую в итоге к отмене крепостного права в 1861 г.

Это событие с восторгом встретила либеральная общественность в России и на Западе и с глухой обидой и недоумением само крестьянство. У России и Запада довольно много различий, одно из них – отношение к свободе. На Западе это свобода от чего, а на Руси свобода для чего? Вот для чего им эта свобода, и не понимало в 1861 году российское крестьянство. Многие не хотели уходить от барина, задаваясь вопросом: «Зачем ты меня гонишь?» Те, кто хотел уходить, имели возможность заработать и выкупиться еще задолго до отмены крепостного права. К примеру, основатель рода Морозовых Савва Первый выкупился на волю за 17 000 рублей (сумма по тем временам огромная), а уже через несколько лет пригласил в гости на свою хлопчатобумажную мануфактуру своего бывшего хозяина помещика Рюмина, чуть было не застрелившегося от досады и зависти.

Таким образом, 1861 год стал годом начала разрушения крестьянской общины и крестьянского уклада. Безземельные крестьяне, оторванные от земли, потянулись в города, увеличивая массу пролетариата, накапливая протестный потенциал. Окончательный удар по сельской общине нанесли реформы П.А. Столыпина, человека, далекого от понимания российской ситуации. Он родился в Дрездене, получил опыт государственной службы в Прибалтике и Польше и был уверен, что простое перенесение западных инструментов на российскую почву приведут к положительным результатам. Этого не произошло.

Примерно также рассуждали спустя 90 лет российские либералы времен Б.Н. Ельцина. Результат был плачевен. Об итогах российских реформ, проводимых под присмотром американских советников, образно писал в конце 90-х годов XX в. Дж. Сакс: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли его грудную клетку и с удивлением обнаружили, что у пациента другая анатомия».

Конечным результатом реформ Александра II и П.А. Столыпина стала алкоголизация и рост преступности среди крестьянства. Конец XIX – начало XX века отмечен также ростом сексуализации населения и понижением возрастной планки вступления в половые отношения. Но главным было нарастание недовольства действиями власти, пытающейся встроиться в Запад и ломающей как слон в посудной лавке традиционный уклад. С таким подходом Россия была обречена на периферийный путь развития, избранный с середины XIX века, когда Россия пыталась встроиться в западный путь развития, который Запад считал единственно возможным цивилизационным проектом. Россия в модели «центр – периферия» встала на путь догоняющего развития, в котором не имела шансов догнать лидера. Это был путь вечно догоняющего бегуна, который хоть и быстро бежал, но стартовал с заведомо неравных позиций.

Исторический опыт развития нашей страны неоднократно доказывал пагубность и губительность периферийного, заимствованного подхода к развитию. И напротив, как только Россия выбирала свою аутентичную модель, она резко вырывалась вперед, так было и во времена Ивана III и Ивана Грозного, и в годы индустриального броска при И.В. Сталине.

Нередко нам приводят статистику на 1913 год, ставшую во многом хрестоматийной. Этот год стал пиком экономического развития Российской империи. Но так ли это? Ведь дьявол, как известно, кроется в деталях.

Действительно, в конце XIX века в России был введен золотой рубль. Ну чем не твердая валюта? Но к чему это привело? К тому, что в Россию потянулись иностранцы со всех концов света, желающие получить золото за свои товары. В итоге мы добились высокой инфляции и вывоза золотовалютных запасов.

Действительно, к 1913 году Россия была мировым лидером по поставкам зерна на мировой рынок. Зерно тогда играло роль нынешних нефти и газа, основных источников валютной выручки. Это так. Но за скобками остался вопрос о цене такого лидерства. Хорошо известна расхожая фраза тех времен: «Сами не доедим, а вывезем». Результатом стали волны голода, прокатившиеся по России в начале XX века. Все это тоже были предпосылки 1917 года.

Нелишним будет напоминание о настроениях элиты российской империи к 1913 году. Контрольный пакет основных добывающих отраслей принадлежал иностранному капиталу. Основную часть валютной выручки и доходов российские предприниматели выводили за рубеж и размещали в зарубежных активах, вкладывая нередко капитал в недвижимость. Хорошим тоном считалось обучать детей в Англии и Франции, отдыхать на водах Баден-Бадена, пляжах Лазурного берега и по всякому поводу и без ононого ругать Россию.

Во многом события крушения российской государственности было связано, вне всякого сомнения, и с личностью самого последнего Романова – Николая II. На престоле оказался слабый, малодушный, недалекий и плохо разбирающийся в хитросплетениях мировой политики человек. Николай II был

набожен, чадолюбив, искренен и честен. Но этого набора качеств недостаточно для самодержца великой империи.

Россия всегда была автократичным государством, а потому напрямую зависела от личности лидера. Когда автократ слаб (Николай II, М.С. Горбачев), страна скатывается в кризис, происходит обрушение государственности. И напротив, сильный автократ дает мощный импульс к ее развитию (Иван IV, И.В. Сталин).

Во многом судьбу российской монархии определили события 1896 года, когда коронация Николая II сопровождалась трагедией на Ходыньском поле, где в давке погибли сотни людей. И дело было не в том, что русский народ был возмущен тем, что московские власти не смогли должным образом организовать мероприятие по случаю восхождения на престол, а в том, что, узнав о трагедии, Николай II продолжил танцевать мазурку во французском посольстве. Именно это не простили ему. Ибо самодержец не мог так поступить, не мог не обратиться к народу со словами сочувствия, скорби и покаяния. Именно это событие и реакция царя привели к весьма необычному для российского менталитета явлению – десакрализации помазанника Божия. В конце XIX века в России появился новый сатирический жанр – карикатуры на царя. И это тоже было предвестником Революции.

Однако основной трагической ошибкой российского императора было вступление в Первую мировую войну, причем на стороне своих извечных геополитических конкурентов: Англии и Франции, против режимов, близких России по монархическому строю и по континентальным интересам: Германии и Австро-Венгрии. В начале 1916 года Николай II, внезапно прозрев, записал в своем дневнике: «Боже, что я натворил. Ведь Англия хочет исключительно нашей гибели». Но было поздно.

Коррупция чиновников, неумелое командование предрешили исход для России военных действий. Солдаты были деморализованы и не хотели больше воевать. Дело шло к Февралю 1917 года. И здесь самое время отметить колоссальное отличие Февральской буржуазно-демократической революции и Октября.

Без всякой конспирологии очевидно, что Февраль стал проектом Запада по слову российской государственности и ликвидации российской монархии, а Октябрь возвращением России в собственный цивилизационный проект.

Февраль готовили. События в России напрямую связаны с личностью Л.Д. Троцкого, являвшегося прямым агентом Запада и действовавшего в рамках разработанного в США олигархическими кругами «Плана Марбург» и по указаниям полковника Эдварда Хауза – советника Президента Вудро Вильсона. Американский историк Дженнигс Уйас пишет: «Именно США обеспечили Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом для организации того, что впоследствии назовут революцией или Февральским переворотом». Февраль приняли с воодушевлением и энтузиазмом многие западные правительства. Конечно, ведь речь шла о крушении мощного геополитического проекта.

тичского конкурента. Спустя год не станет Османской империи, Германской и Австро-Венгерской. Вот она – демократизация и республиканизация мира.

Тем неожиданнее на этом фоне стали события Октября, когда В.И. Ленин и большевики, фактически отказавшись в «Апрельских тезисах» от западного и русофобского марксизма, взяли власть и в ходе тяжелейшей Гражданской войны и борьбы с международной интервенцией вдруг собрали, казалось бы, навсегда развалившийся корабль российской государственности в виде СССР. По пути собственного развития повел страну и И.В. Сталин. С 1931 г. по 1941 г. страна прошла через форсированную индустриализацию, что создало прочный фундамент для Великой Победы.

Хотелось бы сделать акцент и еще на одном важнейшем обстоятельстве. В мире, в России, среди экспертов и граждан нет и по сей день однозначного восприятия и отношения к репрессиям против врагов народа, проводимых во времена Сталина. Но его и не может быть. Действительно, есть немало семей, в которых пострадали предки, родственники и ничем не залечить кровоточащие раны.

Но мы должны оценить эти события с государственной точки зрения, вознесясь над субъективизмом и личными обидами и скорбями. Был ли Сталин параноиком и кровожадным тираном? Нет, конечно. Он действовал по законам своего времени. Времени жестокого. И не нам его осуждать. Не менее жестоко и кроваво действовали Кромвель, Робеспьер и Марат. СССР находился в кольце врагов. Речь шла физическом выживании советского народа. Страна кишела немецкими, английскими, японскими шпионами. Была и «пятая колонна» в советской политической элите. Именно ее Сталин уничтожил в 1937 году, в результате СССР вступил в войну без внутреннего врага, без предателей «пятой колонны». И во многом благодаря этому обстоятельству одержал победу. Победа в Великой Отечественной войне изменила мировой порядок. Популярность идей и ценностей советского образа жизни достигла своего апогея. Идеи коллективизма и солидарности, отсутствия частной собственности были понятны и привлекательны миллионам на Земном шаре. Была создана биполярная система мироустройства: СССР – США, обеспечивающая в течение десятилетий баланс сил и мир на планете.

Но баланс был разрушен, в 1991 году Советского проекта не стало. Выяснять, по каким причинам это произошло, не является темой нашей статьи. Однако важно отметить, что второй раз за XX-й век была ликвидирована Российская империя, на этот раз в форме СССР.

Советский проект, рожденный Октябрем, навсегда останется в памяти и истории человечества. Прежде всего, как уникальная попытка создания общества, основанного не на товарно-денежных отношениях, индивидуализме и экстазе эгоизма, а на принципах взаимовыручки, солидарности и коллективизма. Он был успешен. Никогда в условиях капиталистического хозяйства нельзя было бы в столь короткие сроки восстановить разрушенную войной инфраструктуру. Уже через 12 лет после окончания войны был запущен пер-

вый спутник Земли, а через 16 лет первый человек Земли, гражданин СССР – Юрий Гагарин полетел в космос. Успехи советской науки и образования поражали и вызывали зависть на Западе. В начале 60-х гг. Президент США Дж.Ф. Кеннеди сформировал особую комиссию по изучению советской системы образования.

Можно еще долго перечислять наши достижения. Отмечу лишь, что советский проект не стал историей. Возвращение ко многим его ценностям происходит в России сегодня – при Президенте Путине В.В., который в отличие от Николая II хорошо разбирается в тонкостях геополитики и подчеркивает: «У России великое прошлое и великое будущее». Будем верить, что это так.

И в завершении хотелось бы напомнить парафраз Н.С. Михалкова на слова П.А. Столыпина: «Великие потрясения нужны тем, кто из России хочет уехать, а Великая Россия нужна тем, кто в ней хочет остаться». Мы верим в Россию, потому что мы в ней живем.

© Воронин С.А., 2018

OCTOBER 1917: THE RUSSIAN PROJECT

Sergey Voronin

Peoples' Friendship University of Russia
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Информация об авторе / Information about the author

Воронин Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: svoronin.rudn@mail.ru

Sergey Voronin – Doctor in Historical Sciences, Head of the Department of World History of Peoples' Friendship University of Russia. *E-mail*: svoronin.rudn@mail.ru

Для цитирования / For citations

Воронин С.А. Октябрь 1917: Русский проект / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 1. С. 97–102. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-97-102.

Voronin S.A. October 1917: The Russian project / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(1): 97–102. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-1-97-102.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 18.09.2017

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
